

Михаил Попов

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ

♦ Внезапно позвонил Сталин. Невозможно не узнать – он!!! Его голос!!! Я, естественно, ошеломлен, издаю отдельные звуки – а, э, о!

– У меня к вам один вопрос товарищ Попов.

– А... э... это вы?

– Скажите, Мандельштам гений?

– Вы живой? Но как?! И откуда...

– Повторяю вопрос, Мандельштам гений?

– Я... вернее... то есть, есть что-то, откуда Вы...

– Я еще раз повторяю вопрос, Мандельштам гений?

– Я хотел бы... о другом, о...

– О чем другом?

– О жизни, о смерти...

В трубке разочаровано помолчали.

– Ну вот, и Вы не спасли Мандельштама.

Гудки.

♦ Персидский царь Ксеркс готовился переправиться из Азии в Европу, чтобы приструнить распоясавшихся греков и доказать, что их победа при Марафоне была случайностью. Для этой цели был построен огромный понтонный мост, но налетевшая буря разметала переправу. Царь разъярился и велел выгнать на берег несколько тысяч воинов с кнутами. Им было приказано «выпороть» непокорное море.

Этот факт известен многим и служит одним из самых ярких примеров монаршего идиотизма. Но почему-то забывают о том, что когда после «порки» мост был восстановлен, то море вело себя как шелковое, и армия персидского царя переправилась в Грецию без единой потери.

Всемирная метеорологическая организация после 2005 года исключила имя Катрина из списка имен, которые можно давать ураганам. Как ураган назовешь, так он себя и поведет. И чем тип мышления современных метеорологов отличается от типа мышления Ксеркса?

♦ Песня рождается из вскрика индивидуальной души, подхваченной волною народной тоски или радости. Кажется, Вагнер.

♦ Галлилей был наказан вовсе не за то, что проповедовал свою гелиоцентрическую систему, воспринятую от Коперника. Многие в церкви и даже сам папа

в принципе, прищулив один глаз, с Галилеем соглашались. Его просили только не поносить публично и шумно систему Птолемеевскую, как официально принятую церковью, у которой еще оставались уважаемые сторонники. То есть его уговаривали – вежи себя толерантно. Не за научную смелость пострадал, а за нарушение общественно-научных приличий.

♦ Многие считают, что со временем человек изменится внешне, и очень сильно. На руке будет не больше трех пальцев, хватит, чтобы нажимать кнопки и клавиши, огромная голова... Один умник даже сказал, что видит первые изменения. Мы, то есть наше поколение, подойдя к двери, на звонок давим указательным пальцем, а вот уже наши внуки – большим. Он теперь чаще используется в работе с клавиатурой мобильного телефона.

Не знаю, не знаю, маловато информации для серьезных выводов. Впрочем, я и сам сделал одно наблюдение – современные мухи не пугаются движения курсора на компьютерном экране. Все начинается с мух?

♦ Опять о персидском царе. Прочитал – не у кого-нибудь, у Герцена: «во время бури, придворные Ксеркса, чтобы освободить корабль государя от лишнего груза, по очереди, поклонившись монарху, бросались в бушующую пучину». Вообще-то, можно было ожидать, что Герцен расценит этот факт, как пример самой густопсовой азиатчины. А он, наоборот, видел пример несомненного благородства. По его мнению, эти поступки являют не меньшую гражданственную жертвенность, чем поведение спартанцев у Фермопильского похода. И в том, и в другом случае был пример самопожертвования ради идеи своего государства. В личности царя был воплощен смысл персидской государственности. Хорошо или плохо воплощен, другой вопрос. Лично я, доведись жить в те времена, выбрал бы Персеполь, а не Спарту

♦ В ногах правды нет, правда в руках. Палач

* * *

Дерьмовый Дарвин заявил:

Мартышка – предок человека,

И этот обезьянофил

Перл девятнадцатого века!

При всем том похоронен Чарльз Дарвин в Вестминстерском аббатстве. То есть и сам был согласен, и разрешили.

♦ Люди начинают петь, когда им не о чем говорить.

♦ Большинство больших современных народов можно уподобить борщу. Например, русские сварены в котле истории из разных этнических продуктов. Обычно называют славян, татар, угро-финнов. Но у поварихи-истории был, очевидно, выверенный рецепт – она бросила в котел не все, что было на разделочном столе, а лишь столько, сколько требовалось для приготовления задуманного блюда. Кое-что осталось валяться в сторонке. Поэтому нынешние национально возбужденные представители татарского, марийского, мордовского и иных народов, похожи на картошку, капусту, морковку, которые взялись бы настаивать на своей непричастности к сваренному общему борщу. Путь этноса чаще ведет в котел, а не из котла. Ведь не говорят: поскреби татарина, найдешь русского.

Но особенно забавно смотрится в данном контексте свекла украинского национализма.

♦ Талантливый человек, талантлив во всем. Еще с детства помню историю о том, как Пушкин не отличался в Лицее по математической части. «Все у Вас, Пушкин, равняется нулю», – якобы говорил ему учитель.

Достоевский был офицером инженерных войск. Как-то ему дали задание спроектировать план крепости. Он начертил. План хороший, но с одним недостатком. Проектировщик не предусмотрел в этой крепости ворот. Говорят, из-за этого пришлось Достоевскому уйти в отставку.

Лев Троцкий, будучи в сибирской ссылке, устроился в бакалейную лавку. Вел счета. Но очень скоро был оттуда изгнан, потому что в отчете перепутал фунты и пуды.

♦ Книга о вкусной, но здоровой пище.

♦ «Кадры решают все». Братья Люмьер.

♦ Во время учебы в Литинституте я вместе с несколькими товарищами подрабатывал на Останкинском молочном комбинате, мы «наводили» молоко. То есть, из импортного сухого, делали отечественное жидкое.

Цех был двухэтажным. На втором этаже мы вспарывали мешки, и сыпали порошок в толстую круглую трубу, по ней порошок полз вертикально вниз на встречу с горячей водой. Наш мастер, очень толстая женщина, в первый же день предупредила нас, что труба все время должна быть полной, иначе – кошмар, там, на первом этаже, произойдет технологический сбой. И мы полгода работали, подгоняемые этим мистическим страхом. Когда уровень сухого молока в трубе слишком понижался, мы начинали носиться как угорелые, орать друг на друга, полосовать ножами бумажные мешки, чихать в клубах молочного дыма. Очень страшно было увидеть зияющую дыру там внизу. А потом выяснилось, что бояться нечего. На первом этаже стоит многотонная ванна, и если пару минут ее и не кормить сухим молоком, то ничего особенно страшного не произойдет. Убиваться не надо, даже покурить сходить можно. Мистический страх пропал. Процесс «наведения» десакрализировался. Мы вступили в век просвещения. Работали дальше как свободные люди. Правда, выяснилось, что качество молока, выпускаемого в нашу смену, стало значительно хуже, все время были какие-то проблемы с жирностью.

♦ Год примерно 1984. Место действия – скверик возле особняка Большого Союза. Посреди тогда, как, впрочем, и сейчас бюст Льва Николаевича Толстого. Тогда во флигелях, обнимавших сквер, было как нынче бесконечных непонятных ресторанов, а располагались творческие подразделения писательской корпорации, иностранная комиссия и т.д.

Что за сборище тогда имело место, не помню, но писателей, и особенно из республик, роилось там много. Какой-нибудь пленум. Я только что вышел из журнала «Дружба народов» и стал свидетелем такой сцены. В тени Льва Толстого прохаживаются Чингиз Айтматов и Олжас Сулейменов. В сторонке стоит стайка писателей из Средней Азии. Классики дефилируют туда, потом обратно, остальные искоса и уважительно поглядывают в их сторону. Классики ведут, видимо, какой-то важный или даже глубокий разговор. Миновали группу про-

стых писателей, почтительно вытянувших головы, Олжас Сулейменов завел руку за спину и бесшумно щелкнул пальцами. От группы простых писателей тут же отделился один человек в очках, и сгорбившись, на полусогнутых подсеменил к паре классиков. Олжас Сулейменов показал Айтматову на него, и сделал снисходительно рекомендующий жест. Автор «Буранного полустанка» протянул в сторону подоспевшего правую руку. Простой писатель принял ее в сложенные ладони и уважительно облобызал.

«Аз и Я», подумал я.

♦ Время работает против всех.

♦ Почтение к классике. Современный английский прозаик Дж. Барнс в своей книге «Нечего бояться» удивляется, что можно «... находить смешными грубые шутки Шекспира (хотя некоторые театралы неумоимо хохочут над ними)». Признаться, испытал большое облегчение. Мне бывает тоскливо и неловко, когда мировой лидер драматургии принимается смешить почтеннейшую публику. Да, в его времена нравы были грубее, и грубее должны были быть комические приемы. Но речь тут не о том, что юмор больше связан со своим временем и стареет заметнее остальных видов литературы. Речь о том, как трудно бывает признаться – кое-что в святынях твоей культуры как бы бережешь от своей же трезвой оценки, ввиду воспитанности, по традиции. Меня всегда раздражала у Достоевского слащавая, сюсюкающая нота, часто вплетающаяся в повествование. «А я-то вас и не поцелую» – Грушенька. Тошнотворненько. Все эти «Неточки», «Двойники»... Все время кажется, что усевшаяся муха сучит лапками.

И это, разумеется, при том, что Достоевский для меня... ну, и так далее.

♦ Судьбоносные книги. Развитие личности, очевидно, происходит не плавно, а ступенчато, рывками. Не знаю, сколько тут диалектики, переходов количества в качество, какова роль простой биологической готовности – отросли все необходимые нейроны в голове. Могу отметить про себя: во время каникул каких-то летних прочитал «Деревню», «Скучную историю», «Запечатленного ангела», «Шум и ярость», «Домой возврата нет» и сделался иным человеком. Причем, совершенно не факт, что на кого-то другого эти тексты произвели бы такое же действие, даже если бы этот «другой» находился бы в той же стадии созревания. Более того, я и сам все равно претерпел бы этот скачок взросления, перерождение, если бы нарвался в тот летний месяц, скажем, на «Пана», «Фиесту», «Прощай оружие» и «Крейцерову сонату». Интересно, в какой бы степени я был бы другой. Как в большой истории есть «осевое время», так и в истории отдельной личности оно тоже возникает. После этого душа на длительное время покрывается как бы оперением, и любые тексты стекают по нему, почти не смачивая. Собственно, и до наступления суперчитательского момента, психика очень хорошо защищена от литературных проникновений. Школьная программа никогда не бывает «современной», то есть, предлагаемой вовремя. «Мертвые души» обычно вменяются душам еще толком и не родившимся, по крайней мере, в читательском смысле. А если в «осевой» момент под рукой окажется какая-нибудь дребедень типа Мураками или Коэльо? Или вообще книга писателя Вертибутылкина. А кто-то и вообще без всяких книжек обходится.

♦ Не проходите мимо нарушителей общественного порядка. Присоединяйтесь к ним!

♦ Когда человек скандалит, он не чувствует себя одиноким.

♦ Девочка на шару.

♦ Мою первую любовь звали Наташа Сехина. Она была самая симпатичная, раскрепощенная девочка в нашем шестом »А», отличница, с умеренно, но уже волнующе определившимися формами. Я робел в сторонке, старался произвести на нее впечатление всеми теми глупыми мальчишескими способами, что всем известны. Мечтал спасти ее от хулиганов. Еще она пела. И когда я увидел ее на сцене районного клуба, где она фантастически талантливо исполняла тогдашний супершлягер «Хмуриться не надо, Лада!», я понял, что погиб. Никогда, ни за что я не посмею к ней подойти, так и сгину, сгорая в стороне, и глядя как за ней увиваются более решительные парни. Доходило до нервного расстройства, я бесшумно рыдал ночами. Помощь пришла с неожиданной стороны. Во время школьной линейки. Наташа была, естественно, председателем совета отряда у нас в классе. И вот она марширует – отхрипел горн, развеваются флаги – к принимающему парад и звонким, отвратительно искренним голосом рапортует: «Председателю совета дружины докладывает председатель совета отряда!». Ни тогда, ни потом я не был диссидентом, но в тот момент что-то тошнотворное почувствовалось мне в этой старательности и страстности Наташи Сехиной. И уже вечером того же дня мне было все равно, кто несет ее портфель из школы.

♦ Еще об истории. Когда-то давно, до нашей эры на территории современной Румынии жили даки. У них были свои боги, и среди них выделялся главный бог – Салмоксис. Интересно его происхождение. Оказывается, бог этот был родом из людей. В свое время работал рабом у Платона. Потом получил вольную и отправился на север. Такого ума набрался от хозяина, что показался дакам просто богом.

♦ Иоанн Златоуст в конце жизни собирался посетить город Питиунт (современная Пицунда). Умер в дороге, не дойдя несколько километров до того места, где располагается писательский дом творчества.

♦ Баптисты считают, что креститься человек должен по достижении 18 лет, важен сознательный выбор. Может быть, и лечить человека от, скажем, порока сердца, можно лишь по достижении им совершеннолетия и с его согласия. Мне казалось это возражение очень остроумным, пока не узнал, что в прежние времена и у нас, православных, очень часто крещение откладывалось, пока человек не подрастет, а то и ждали, пока он сам не попросится, чтобы его крестили.

♦ Писание иконопись, писание А. Кураева – дьяконопись.

* * *

Алкоголь, стихи и женщины
Навсегда и намертво повенчаны,
И не надо обвинять поэта,
Если любит он, подлец, все это.

♦ «Цена вопроса». «Завалили трупами». «Лишняя кровь». Не буду вдаваться в цифровую часть вопроса. Слишком большой разброс оценок. Тут вопрос веры

Кто-то верит, что за каждого немца заплачено полутора русскими жизнями, кто-то верит что десятью. Не только верит, но и хочет в это верить.

Вспоминается 1990 год. Делегация «молодых российских лидеров» в Штаты. Беседа с молодыми американскими лидерами. О войне, о потерях. Место подходящее – Вест-Пойнт. Привычно поносили Сталина, привычно все кивали, и мы и они, конечно, людоед. И тут один из наших делегатов, сдуру, наверно, заметил, что в Америке во время Гражданской войны тоже кровушка лилась водичею дай Бог. Один рейд генерала Шермана, чего стоит. И тут один из молодых американских лидеров, по фамилии Парачини, прямо заорал на нашего «историка»: – Это была борьба с рабством! О какой «лишней крови» можно здесь говорить! Из этого кровопролития выросла современная свободная Америка.

♦ Неудобную религию придумали индусы.

Насколько я понял – главный приз в индуизме, и религиях с ним аффилированных – гарантия смерти. Если будешь себя очень хорошо вести, то рано или поздно тебе будет даровано право вырваться из круга перевоплощений и навсегда, надежно исчезнуть.

Ну, а вдруг все же правы христиане, и смерть не окончательна, и граждане воскресают. В своих телах, как и обещается. Забавно будут выглядеть в данном случае последователи восточных учений. Человек за время долгого своего отлынивания от нормального, стандартного воскресения, побывавший в телах коровы, дуба, блохи, цветка, крокодила, царицы Савской, Марадоны, Гейббельса, Александра Матросова, святого отшельника, все же оказывается на том свете. В каком же теле или одновременно во всех сразу? Трудно сказать, будет ли ему комфортнее, чем обыкновенному, однопольному воскресанту.

♦ К Будде, когда он проповедовал, прилетали даже некоторые боги из любопытства и в знак уважения. Поскольку христианский Бог не прилетал, буддисты делают безупречный логический вывод – его и не существует.

Бурятский поэт Сергей Тумуров, как-то во время рядового разговора, вдруг вильнув в сторону теологии, покровительственно и успокаивающе заметил мне, что Будда признает Христа. Пусть себе. И христианам нечего волноваться, ничем особенно скверным их вера не считается, ее спокойно, без брезгливости терпят. Я не сразу нашелся что возразить, и подходящий ответ обрел даже не на лестнице, а уже в троллейбусе. Смысл ответа был таков: Будда всего лишь человек, то есть тварь, он сотворен, а кто творец тут уж понятно. И претензии Будды покровительствовать в данном случае даже забавны. Это все равно, если бы Д'Артаньян начал высказываться по поводу Александра Дюма. Писателишко-то, мол, легковесный, и т.д.

Тумуров, выслушав меня при следующей встрече, снисходительно улыбнулся, он продолжал жалеть и меня, и христианство.

♦ Человек настолько свободен, насколько может позволить себе дурной вкус.

Свобода на Западе – признать над собой те законы, которые кажутся законными, а у нас свободным считает себя человек, могущий себе позволить быть свободным от законов. Или ввести свои собственные личные законы.

♦ Чудовищные снегопады. На площади трех вокзалов работает многочисленная снегоуборочная техника, громоздят настоящие горы. Мне нужно войти в метро,

а передо мною Альпы, я заморожен толкотней в снегу. И вдруг рядом голос – «Автобус до двери». Воистину спрос рождает предложение, целых несколько секунд я весело пережевывал эту капиталистическую мысль, пока не понял: это зывала, и на самом деле он предлагает ехать в Тверь. От трех вокзалов стартуют автобусы в самые разные города.

♦ Мне очень нравится английская парадоксальная поэзия – Эдвард Лир и др. Однажды подумал – почему бы самому не попробовать. Доморощенные лимерики:

Как-то раз мы с шалавою Клавою
Занялись, и всерьез, Окуджавою.
Пели ровно два дня,
Только корм не в коня,
Ведь шалава осталась шалавою.

И еще:

Как-то раз на Черкизовском рынке
Подрались сорок три украинки.
Что ты не говори,
Только все сорок три
На простом не поместятся ринге.

Доморощенность налицо, у англичан последняя строка должна повторять первую, а у меня не повторяет и не будет повторять впредь.

♦ Сестра моей тещи тетя Дуся на старости лет заболела духовной жадой. Почитывает какие-то самострочные эзотерические книжки. Человек она тихий, деликатный, скромный, мухи, естественно, не обидит. И тут, собирая смородину, спрашивает с той стороны куста: «Миша, видишь ли ты ауру»? Пока я соображал, как ответить, не обидев старушку, она пустилась в пересказ измышлений какой-то Анастасии. Мол, свет и тьма дополняют друг друга. Очень неприятно июльским днем на своем дачном участке рядом с кустом спелой смородины обнаружить развесистый куст манихейства. Что сказать аккуратной скромной бабушке, обуреваемой духовным томлением? Что некий альбигойский рыцарь за такие слова под видом Коровьева был вынужден восемьсот лет отслужить у сатаны? Что настоящие манихеи использовали два способа умерщвления плоти, дабы вырвать дух из телесного плена. Постились очень тщательно, но при этом несколько раз в год собирались в темных подвалах целыми толпами и предавались круглосуточному пьяному или наркотизированному блуду, не разбирая, кто с кем. Мать с сыном, дед с внучкой. Вот, что надо бы спросить у тети Дуси, как бы ей понравилось, что ее муж Володя, с которым она прожила сорок лет, пару раз в год будет, напившись текилы, уестествлять любимую ее внучку Ирочку.

«Ты что не согласен?» – спрашивает меня тетя Дуся, видя, что медлю с ответом. Нет, я не смог как герой хорошего американского сериала доктор Хаус, опустить на землю духовно взорлившую старушку. Пробормотал, что не понимаю почему, я должен видеть какую-то ауру, и понес переполненную смородиной миску в дом. Пусть думает, что я не в теме, хотя мне, такому начитанному и неприятно, что она так думает.

♦ «Дураки» и «негодяи». «Дураки» это члены труппы «Кривого зеркала», петросьяновская, высмеянная линия в современной юмористике. Я ее тоже не стану защищать, что дебильно, то дебильно. Но есть здесь нюанс, о котором не

упомануть было бы нечестно. Петросьяновцы, не знаю сознательно, или так уж у них само собой получается, представляют систему персонажей, которые глупее зрителей. Зритель им подсознательно благодарен за это, людям нравятся те, кто готов дать над собой поржать, и валит на их концерты.

«Камеди клуб» работает по-другому. Они скорее вымогают смех, хотя часто и у них бывает смешно. Все, кто попал в число приглашенных, очень хорошо помнят, что приглашение это – билет на членство в элите, самой продвинутой компании. Они гарантировано будут хохотать, что им не изобрази, потому что им приятно оттого, что их выделили этим приглашением. Если тебе не смешно, все равно смейся, иначе сочтут, что ты отстой.

♦ Когда я учился уже в третьем классе, мама отправила меня как большого в поликлинику и строго проинструктировала: сначала надо зайти в регистратуру. Я боялся и до сих пор не люблю стоматологов, но тогда, помнится, в этом походе меня смущало не то, что могут у меня натворить злыми железками во рту, а проблема словесная. Слово «регистратура» до такой степени было за гранью мира привычных мне предметов, что я не в силах был удержать его в фокусе своего сознания в отчетливых очертаниях, и оно плавало где-то вокруг, смутное и угрожающее. И тут, проходя мимо магазина, я увидел на вывеске слово «Кулинария». По степени бессмысленности для меня оно примерно равнялось «регистратуре». Я остановился перед ним и долго стоял в мучительном оцепенении. Я понимал, что мне с зубами не сюда. Но я хорошо помнил суть ситуации: мне надо в гости к бессмысленному слову, и вот оно, явно бессмысленное, передо мной. Минут десять я был обуреваем очень специфическими терзаниями, а потом расплакался и пошел домой. Можно подумать, что так я замаскировал свой страх перед зубным врачом, но я и тогда, и теперь знаю, что точно нет. Меня мучила не медицина, а филология. Тогда я зародился как сочинитель. Не с первым стихотворением, проклюнувшимся года через полтора, а тогда, оказавшись в непонятном пространстве между двумя демонами – «регистратурой» и «кулинарией».

♦ Разговор москаля и хохла: – Кто ковал могущество нашей родины? – Зозуля кувала.

♦ С 1982 года, когда я пришел на преддипломную практику в журнал «Литературная учеба», я езжу по разного рода литературным совещаниям, конкурсам, фестивалям. Сами собой составились определенные наблюдения по этой части. Временами попадались люди и способные, но я в данном случае о графоманах. Долго я считал, что существует два основных типа неталантливых авторов. С обоими я столкнулся еще во время первой поездки в том же 1982 году на астраханское, кустовое совещание. Представители первого типа, будучи распатронены на обсуждении, встают в позу: да и не очень-то мне все это и нужно, я стихи пописывал для развлечения, а на самом деле я художник, режиссер и т.д. Помню даже фамилию первого графомана, выступившего с таким заявлением – В. Прохожий.

Второй тип, наоборот, отвечает агрессией на критику: ничего вы не понимаете, кто вы такие, чтобы судить о моих стихах! Уходит, крепко хлопнув дверью.

Долгие годы я считал, что выработал универсальную схему, как правило, никакие вновь встречающиеся графоманы не выходили за ее пределы. Но недавно побывал на заседании поэтического собрания, где моя уверенность, что я знаю о психологии графомана в общем все, поколебалась. Слушал я, слушал молодых

поэтов, и в конце попытался мягко, но честно сформулировать свое отношение к услышанному. Как-то, говорю, молодые люди, не стройно все у вас, и рифмованные стихи толком не зарифмованы, и свободные, как-то слишком свободны от ярких образов, и оригинальных мыслей не видно. Говорю, и замечаю, что у слушающих нет привычной реакции на неприятные слова. Никто не замыкается с отрешенным лицом, никто не краснеет, ожидая момента рвануться в контратаку. Все веселятся.

В чем дело? Растолковать в чем дело, взялась приятная, хоть и в очках с толстыми стеклами, девушка лет двадцати двух. Замечательно, что речь ее была снисходительной, она говорила немного сверху вниз, но как бы с человеком, все же не до конца потерявшим шансы прозреть. Смысл был вот в чем: не надо слишком доверяться словам. Слова, в общем, ненадежный, грубый материал. Текст тщится заменить жизнь. Жизнь важнее текста. Важно не слово, а то, что за словом. Вы видите недостатки текста, а на самом деле вам предъявлена мера того, до какой степени реальная, подлинная жизнь может быть явлена в тексте. Вы мечтаете о совершенной башне из слов, а мы хотим прикоснуться к подлинной, свободной от языковых условностей жизни.

Очень симпатичные ребята. С ними было интереснее, чем с угрюмыми, похмельными, косноязычными, и как-то не слишком умными в обычном разговоре старыми поэтами. С этими часто морально нечистоплотными, несчастными в браке, задавленными квартирным вопросом дядьками и тетками, пусть и пишущими иногда неплохие тексты.

Жаль только, что у этих симпатичных интересных ребят стишки были сплошь дрянные.

♦ Если у тебя есть жребий – брось его!

♦ Отсутствие стилистических ошибок не есть стиль.

♦ Когда я жил в Белорусском поселке и учился там на электрика в совхозе-техникуме, то, конечно же, часто ходил в кино в местный клуб. Будучи начитанным молодым человеком, я, разумеется, с презрением относился к эстетическим запросам поселковой и техникумовской молодежи. Помнится, как-то взял в местной библиотеке первый том Гамсуна из черного двухтомника, и обнаружил на первой странице романа «Голод» сердито выведенное синим химическим карандашом слово «Шыза». Тогда я горько усмехнулся, испытывая острое чувство превосходства над отсталым белорусским хлопцем, теперь же думаю – то была здоровая народная реакция на конкретный текст.

Так вот – кино. Фильмы привозили разные. На ура шли, понятно, ленты о войне, о любви (как правило, иностранной) и комедии. «В бой идут одни старики», «И дождь смывает все следы», «Операция «Ы». Ну, и индийские... Фильмы сложные, пусть даже и явно хорошие, деревенская молодежь 70-ых не принимала. Помню историю с «Солярисом». Уже нагрузившийся киномеханик последнюю часть фильма пустил вверх ногами, и никто в зале, быстро пустевшем, не додумался до того, чтобы свистнуть. Никто, понятно, никакого пиетета перед именем Тарковского не испытывал, но что-то похожее на смутное уважение по отношению к сложному и непонятному, испытывали все.

И вот однажды привезли «Ромео и Джульетту» Дзефирелли. Семнадцатилетние белорусские хлопчики и дзвячынки смотрели на практически сверстников своих веронских... Реакция была сильная. Я помню выражение лиц вываливавшей после

сеанса публики. У тех, кто по привычке закуривал, тряслись руки, глаза шальные, смесь восторга и смутного испуга. Потрясло, явно потрясло. Мой одноклассник Толик Гордиевский растерянно матерился, встряхивая ошарашенной башкой.

На следующий день привезли знаменитую «Есению», фильм-зародыш, от которого произошли все последующие рабыни Изауры, и просто Марии. Успех был огромный, публика разбредалась из клуба в ласковом сладостном упоении. Я – у меня же вкус, я «Степного волка» уже прочел – все к тому же Толику с вопросом про вчерашнее. Мол, разве вчерашний фильм был хуже. Будущий электрик досадливо пожевал фильтр сигареты и отмахнулся, как от неприятной, уже полузабытой истории – да, ладно, чего про это сейчас.

♦ Остался один, сделался прав.

♦ Тяжело в мученье, легко в раю

♦ Сколько я сказал такого, чего не думаю!

♦ Помногу раз на дню приходится слышать, мол, жизнь закручивает такие сюжеты, что никакая Агата не додумается. Чтобы согласиться с этой глупостью, надо согласиться с тем, что у Жизни есть какая-то специальная творческая воля, что она субъект, что ей не все равно как нагромождать триллионы фактов, которые составляют ее, Жизни, движение, что она может желать впечатлить какого-то отдельного гражданина слагаемым ею узором событий. Это глаз отдельного наблюдающего человека, переживающего движение жизни человека, соотносит с собою какой-то набор фактов, какую-то их очередность, и осознает как сюжет. Двух разных людей спрашивают «Как дойти к церкви?». 1 – Пойдете до булочной, потом мимо кафе-бара, потом мимо колбасной лавки и увидите. 2 – Мимо аптеки, мимо зубоучебного кабинета, мимо психдиспансера. И оба прокладывают рекомендуемый маршрут по одной и той же улице.

♦ Получилось так, что я в юности почти одновременно прочитал «Красное и черное» и «Тихий Дон». Но осталось странное ощущение. Приключения Жюльена Сореля мне были как-то что ли ближе, чем бурные события жизни Григория Мелехова. То, что переживал и думал Сорель, это было «про меня», а Григория, хотя ему доставалось во сто крат круче, чем французику-гордецу, я наблюдал как бы со стороны. Жизнь провинциального французского городка и Парижа первой половины 19 века, казалась мне менее экзотичной, чем жизнь казачьего хутора перед революцией. Последняя была с каким-то этнографическим привкусом. Хотя я жил в то время в маленьком поселке, среди самого натурального простого народа, вокруг шумели сельские свадьбы, и я пил самогонку, украденную со взрослых столов, полел картошку, то и дело разъезжал на бричках, запряженных самыми натуральными лошадьми, сердце у меня билось именно в тот момент, когда Жюльен лез по освещенной луной лестнице в спальню мадмуазель де ла Моль, а не в тот момент, когда Григорий говорит Аксинье «сучка не захочет, кобель не вскочит». И дело явно не в том, что заграничное культурнее. «Тихий Дон», при всей гениальности, при том даже, что писался почти на век позже французского романа, написан про жизнь, уходящую в трагический тупик. Гибель крестьянства-христианства. Последние слезы об этой жизни будут надрывно доплаканы у нас в «деревенской прозе». «Красное и черное» строится на оформляющихся архетипах городского сознания. И для самого Стендаля эстетический идеал уже заменил христианский и народный.

В 70-е годы городское население в СССР впервые превысило сельское. Слишком прямолинейное объяснение.

♦ Если тебе вредят, значит, ты существуешь.

♦ Хорош только мертвый журналист. В том смысле, что если убили, значит писал правду.

♦ Писатель Иван Ефремов рассказывал в своих воспоминаниях о таком факте. Во время Гражданской войны, он где-то под Новороссийском, сражаясь за красных, подвергся атаке, соответственно, белых. Сидел под прикрытием стены полуобрушившегося дома и постреливал в сторону пытавшихся подобраться поближе беляков. Ефремов был тогда совсем молодым парнем, романтически настроенным, с тягой к приключениям, и за пазухой у него была книжка Хаггарда «Копи царя Соломона». В любой свободный от перестрелки момент он открывал ее и жадно читал. Для него события, происходившие в книге, были намного реальнее и интереснее сегодняшней перестрелки. А наступавшие беляки воспринимались как досадное препятствие увлекательному чтению.

Как-то ко мне обратился писатель Сергей Панасян и попросил, чтобы я подписал для его сына роман «Цитадель». Не часто ко мне обращались с такими просьбами, и я, конечно, охотно... А где твой сынок, спрашиваю. В Чечне, выясняется, сидит на блок-посту, уже полгода. Скука страшная. «Цитадель» роман про тамплиеров, 12 век, Гроб Господень, уйма всяческих приключений и мрачных тайн. Но на мой тогдашний взгляд, все эти крестоносные прибабасы не стоили в реальном исчислении и одной минуты на реальном блок-посту в грязи, холоде под реальными чеченскими пулями. Книжка уплыла на Кавказ, хочется верить, что она скрасила тоскливые часы однообразной жизни сыну Панасяна. И надеюсь, что не настолько она хорошо написана, чтобы он за чтением ее забыл о выполнении своих прямых воинских обязанностей.

♦ Сколько лет я ждал, когда какой-нибудь киногоерой скажет, целясь во врага: «это не бизнес, это личное». Вчера это произошло. Большое облегчение.

♦ Салман Рушди написал оскорбительную для очень большого количества людей книгу. Этот момент обычно опускают в разговоре о его судьбе. Мол, как тяжело она сложилась, ему приходится скрываться теперь всю жизнь, после объявления соответствующей фетвы высшим иранским духовенством. Я, конечно, не на стороне тех, кто в данном случае начинает подсчитывать деньги, потраченные английским правительством на сбережение для мировой культуры этого автора. Автор даровитый, это очевидно, но, допустим, был бы он абсолютным графоманом, стоил бы он таких забот? Если текст совершенно ничтожен в художественном отношении, не стала бы защита автора, защитой исключительно оскорбления, нанесенного «Корану»?

И еще такой вопрос: а имеет ли право Салман Рушди прибегать к защите английских спецслужб, если он и сам понимает, что оскорбил чувства миллионов людей? Ладно, у нас свобода творчества, ты не смог удержаться от того чтобы поиздевался над очень многими уважаемой книгой, «не продается вдохновенье», но за плоды вдохновения надо отвечать. Ну не сидеть во всем известном месте в ожидании, когда приблизятся с ножами, продолжить свою жизнь обычным порядком, а дальше – кисмет. Может быть, и не убьют.

* * *

Как-то раз на заводе Бадаева
Отыскался фрагмент Чаадаева,
Все кончалось на ять,
Ничего не понять,
И нести непонятно куда его.
Как-то утром Хароновы дети
Порыбачить задумали в Лете,
В избу ломятся: «Тять!
Посмотри, что опять
Притащили китайские сети!»

♦ Карикатуры на Магомета. Карикатуристы в чем-то основном очень похожи на Салмана Рушди. Казалось бы тихие, культурные датчане, что заставило этих воспитанных, цивилизованных людей, нанести оскорбление целому миру ислама? Почему отринута толерантность, политкорректность и все прочее? Объяснение очень простое – разговор вышел на более высокий уровень. Карикатурист не смог удержать свое перо от рисования этих карикатур, а редактор не мог удержаться от печатания их в газете, потому что для них это был по сути религиозный, литератургический акт. У мусульман есть пророк Мохаммед, у просвещенных датчан есть свой бог – Свобода Слова. И Бог этот требует службы по всей программе, вплоть до печатания оскорбительных рисунков про представителей чуждой, неприемлемой религии.

Никто из них, конечно, не согласится, что Свобода Слова именно Бог. Бог это Кетцалькоатль, Зевс, Шива и прочие темные выдумки отсталых веков, а Свобода Слова это всего лишь Свобода Слова. Но любому мало-мальски адекватному наблюдателю понятно, что СС – это очередное языческое божество, которому поклоняется цивилизованная Европа. Культ есть, доктрина разработана, мученики в ассортименте – «работники «Шарли Эбдо» и т.д. Когда они нарисовали карикатуры на наш подорванный над Синаем самолет, я на них даже не обиделся. Большее зло – те, кто купил журнал, чтобы позабавиться, позлорадствовать. Они заплатили по три евро за свое удовольствие. Журналисты-поганцы, хотя бы рискуют жизнью.

♦ Интересно, как обиженные мусульмане пытались урезонивать распоясавшихся датских рисовальщиков. Основной аргумент: нельзя оскорблять таких людей великих, как Конфуций, Лао Цзы, Будда, Мохаммед, Христос. Они думали, что делают христианам приятное, не понимая, что наносят невольное оскорбление. Все, кроме Христа, именно что люди, обладающие, правда, феноменальными качествами, а Он явление в принципе иного порядка, и в один ряд эти имена запихивать неправильно.

♦ Случилось оказаться в Молдавии. Редактор журнала «Наше поколение» проводил совещание молодых писателей. Являлись на сборища и писатели зрелые. Среди регулярно присутствующих была приметная парочка. Полная пожилая дама и трогательно, по-товарищески сопутствующий ей мужчина лет пятидесяти. Он поддерживал ее под локоток, усаживался рядом, они обменивались мнениями на ушко. Было понятно, что они давние хорошие товарищи. Наконец, на каком-то приеме дама подошла, представилась студенткой Литинститута, училась у того же достойного мастера, что и я, – только лет на двадцать раньше. Выразила

намерение подарить мне книгу. Очень толстый роман, в котором она, «охватила все, и историю, и философию, и политику нашего времени, особенно историю от древних времен, до наших дней». Глобальный роман. Пока она, дыша приличествующими ее возрасту, духами излагала мне все это, тихо, мне пришлось даже склонить к ней свое ухо, ее трогательный спутник в другое ухо мне быстро шептал: «Графомания, чистейшая, полнейшая графомания».

♦ Я несколько раз отдыхал в Пицунде. Дом творчества там расположен на каком-то расстоянии от рынка и винных магазинов, в двух, может быть, километрах. Иногда везло с автобусом, но расписания он придерживался непонятного, поэтому чаще отправлялись за добычей пешком. Однажды мы с Виктором Мирославовичем Гуминским затарились «Лыхны» и альмагелем и уже отправились в обратный путь, предвкушая тяжкую дорогу по жаре. И тут показалась гужево́й экипаж. Черный поезженный рыдван, одна лошадь и один старик на козлах. Старый, по виду мудрый абхазец. Поездка до дома творчества стоила недешево, но было уж больно жарко, и мы решились в виде исключения. Я спросил возницу-аксакала, мудро рассуждавшего, что встретить «хорошего человека, это подарок судьбы», глянув на абсолютно ясное небо, долго ли нас будет изводить эта сухая жара. Он тоже поглядел на небо, но особым взглядом горского мудреца, и сказал: «Еще как минимум месяц». Мы высадились, он уцокал в сторону Адлера. От проезжей части до собственно ворот дома творчества было метров тридцать. Так вот, мы не проделали и половины этого пути, как неизвестно откуда выскочило на небо черно-желтое облако, и врзал сильнейший ливень, и в свой корпус мы вбежали совершенно мокрыми.

♦ Берия окончательно разоблачен, но рифмы должны оставаться точными.

♦ Путешественник похож на человека, перебегающего от компьютера к компьютеру в надежде отыскать другую Сеть.

♦ В деревне Еромолино под Москвой, откуда родом моя жена мы потихоньку строили небольшой дом. Среди деревенских плотников и каменщиков искать было бесполезно, на такие работы наши уже давно не идут. Работать охранником можно, экспедитором – да, камень класть – не с руки. Наняли таджиков. Пять человек. Только один говорил по-русски. Работу свою они делали осторожно, медленно, раздражающе медленно, слишком я бы сказал наощупь, но, в конце концов, сделали хорошо. Потом выяснилось, что каменщиками они работали всего первый раз в жизни, то есть были наглее, чем Остап Бендер на знаменитом шахматном сеансе. Но с совершенно другим результатом. Более того, выяснилось, бригадирствовал над ними журналист. Пусть таджикский, но журналист. Один из них, уже когда работа была принята и оплачена, попытался высказаться в том смысле, что он не просто таджик, а «перс». Намекнул на национальную гордость. «Как причудливо тасуется колода», подумал я. Кровь, самая таинственная вещь на свете. Нет ли среди моих персидских каменщиков потомков тех, кто строил мост для Ксеркса?

♦ Много раз приходилось слышать – он украл этот сюжет. Однажды у меня был такой случай в ЦДЛ. Рассказываю я какую-то, вполне очередную историю. Забавную, даже смешную. Коля Дорошенко вдруг заявляет – «покупаю!» Что значит, покупаю? Оказывается, за четыре немедленно выставленных стакана вина

он желал приобрести озвученный мною сюжет. Это было время лигачевского закона, проблемы с алкоголем были большие. Выпить хотелось, да и сюжета мне было не жалко. Я согласился. Вино выпили. Забыли. Через месяц Дорошенко мне протягивает несколько листков бумаги. Рассказ. Читаю. Ну и что? Не узнаешь? Что я должен узнать? Твой же сюжет, тот, за четыре стакана. Просмотрел еще раз. Ничего общего с тем, что я ему рассказывал. Даже на удивление.

♦ Жаль, Николай Васильевич Гоголь не написал роман «Янкель при дворе короля Артура», могло выйти лучше, чем у Твена.

♦ У меня была собака. Такс. Завела жена, но я сильно к нему привязался. Пес был наглый, считал себя подданным супруги, меня рассматривал всего лишь как крупный обслуживающий персонал. Я часто становился жертвой его хитроумия. Как-то надо было его вывести вечером. Сильный ливень. Гриня встал под ближайшей к подъезду липой и задрал лапу. Стоим, стоим, минуту, две, лапа все приподнята, так что оснований двигаться из под липы нет. Ливень льет. Четыре минуты стоим и, наконец, я обращаю внимание, что лапа давно уже поднята всухую. Просто парню нет никакой охоты тащиться под дождь.

♦ Случаев такого обаятельного эгоизма Гриня продемонстрировал немало. Но однажды озадачил совсем другим поворотом характера. Дело в том, что притащив его в дом, мы много положили усилий, чтобы не пустить его ночевать в кровать. Ему было выделено место на особом матрасике на кухне. Он этот матрасик презирал и рвался к нам с женой под одеяло, справедливо считая, что там самое элитное место квартиры. Борьба закончилась паллиативным решением. Стал Гриня спать в кресле рядом с кроватью. И вот однажды, он с устатку захрапел в кресле мамы-покойницы, она хотела перенести его на законное место. Он ее тяпнул спросонья. Тут же сообразил, насколько не прав. И понуриив голову, пошел на кухню, на свой ненавистный матрасик. Пусть мне кто-нибудь скажет, что у собак нет совести.

♦ Но чаще всего я вспоминаю о Грине в связи с китайской философией. Вот, например, то место, где рассказывается, как воин, переправлявшийся через реку, нечаянно столкнул меч с лодки в воду, так вот он стал искать меч не там, где уронил, а там где лодка причалила к берегу. А другой китаец искал кошелек не в том месте, где потерял, а под фонарем. Было время в молодые годы, когда меня почему-то очень интеллектуально возбуждали эти истории. Но вот однажды гуляли мы с Гриней, его как всегда несло сразу во все стороны, и он рванул на проезжую часть. Благо был на поводке, и я выдернул его буквально из-под колеса проносившейся машины. Сильный удар по наглой морде и слегка помятая лапа. Все быстро зажило, как и положено. Так вот, Гриня стал бояться после этого случая не машин, а рычал на то место на асфальте, где произошла неприятность. Я стал думать, что мой пес – китайский мудрец.

♦ Торжество закона радует не всегда, а торжество справедливости всегда.

♦ Тот, кто льстит, тот отомстит.

♦ Любовная лодка разбилась о быт. Ничто не забыто, никто не забыт.

♦ Учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся.

♦ Не желай чужих денег. Не жалеи чужих денег.

♦ Экскурсия из Эйлата в Иерусалим. Давно заметил, что в составе экскурсионной группы обязательно окажется или одиночный тормоз – повсюду опаздывает, дольше всех сидит в ресторане, попадает в дурацкие ситуации с местной полицией, или, что хуже – пара. В этот раз такая пара и была. Всегда их приходилось ждать по десять минут после того, как все уже загрузились, всегда им нужно было в туалет там, где туалетов быть не может. Толстая, рыхлая белобрысая тетеха, и краснорожая с торчащими усами жердь. Видимо, бухгалтер и сантехник какой-нибудь фирмочки из Перми. «Жердь» была все же сноснее бабищи, «Жердь» всегда прибегала к автобусу чуть раньше и шипела на невыносимую путницу, делая вид, что перед народом неудобно.

И вот последняя достопримечательность – Стена Плача. Несколько мужиков нацепили кипы и потащились к хорошо освещенным валунам циклопической кладки. Справа там сделана выгородка для женщин. Экскурсовод честно пояснила, что это не дискриминация, просто в иудаизме молитва женщины не играет никакой роли, Ягве ее не слышит, поэтому молиться или нет, личное дело каждой дамы. Дебелая «бухгалтераши» повязала платок, как будто шла в церковь, и побрела, вздыхая. И все повторилось. Все уже сидят в автобусе. Разъяренная экскурсовод – впереди три с лишним часа обратной дороги до Эйлата – и нервно курящая «жердь» выписывают петли у автобуса.

Наконец, появляется. Ступая плавнее и медленнее павы, одухотворенной походкой при ее семи как минимум пудах.

– Что ты там делала?! – орет муж.

– Плакала.

♦ Совещание молодых литераторов в муромских лесах; Вачский район, не-красовские места. Среди поэтов одна молодая петербурженка читает стихи, которые принципиально отказывается печатать. Почему? Такой каприз? Попытка продемонстрировать пренебрежение к культуре старших, все у вас прогнило, мы будем жить и писать по-другому? Оказалось не совсем так. Просто девушка чувствует особую ответственность перед поведением своих текстов. Только исполняя их лично, она считает, что все делается правильно. Что они станут творить, будучи напечатанными? Автор-голос-слушатель – достоверная только эта триада. Буквы лживы.

Вторичное одичание? Поэзия желает расстаться с письменностью? Назад к Гомеру. Буквы и звуки прожили общей жизнью и хватит?

♦ Больше всего хвалят того, кого победили.

♦ Попробуй прояви инициативу, когда тебе никто не подчиняется!

♦ Ну что, ты доволен своей смертью?

♦ Цитата из норвежского писателя Несбё: «Нас ожидает смерть. Там темно и холодно». Ничего себе смерть, где работают как минимум два органа чувств.

♦ Коктебель, раннее утро. Выхожу из своего 16 корпуса по короткой дорожке к берегу спокойного ласкового моря. Местные торговцы уже наладили или налаживают свой регулярный бизнес. У лотка со шлепанцами, плавками, масками

сидит на раскладном стульчике большая, до черноты загорелая женщина и рыдает. Ее успокаивает сухой крымский, уже все на свете повидавший паренек. Он и объясняет причину горя.

– Принцесса Диана погибла.

Огромная дряблая баба явно с давлением, холециститом и пьющим безработным сыном. Услышав эти слова, она извергает новую волну рыданий.

«Только с горем я чувствую солидарность»?

♦ На той же набережной вечером. Фланирую. Вдоль асфальтовой тропы сидячая торговля. Местные женщины, почему-то все с огромными в бицепсной части руками торгуют тортами. Кстати, очень вкусными. Такого «Наполеона» как на коктейбельской набережной я не ел нигде и никогда. Случайно становлюсь свидетелем разговора одной такой кондитерши с подругой, торгующей «рачками», мелкими креветками, отпускаемыми стаканами. Очень быстро становится понятно, что женщины не всегда занимались столь низменным бизнесом как сегодня. Когда-то, при советской власти, работали в солидном НИИ то ли в Феодосии, то ли в Керчи. Наверно в «Гипрорыбе».

– Ну, сидели мы там вязали, читали, кому мы мешали? – Говорит одна. – А теперь вот выбросили на улицу.

Вот, подумал я, где скрывается наш исчезнувший читатель. Если отогнать этих тетенок от общественно полезной деятельности с этой набережной и запереть по разным конторам, создающим иллюзию большой науки, то и тиражи гуляющих по набережной литераторов поползут вверх.

Правда тогда не будет дешевых свежих домашних тортов.

♦ Если бы мир состоял из Ватсонов, не нужны были бы Холмсы.

♦ Название для феминистического боевика: «Синий кожаный чулок».

♦ Принято думать, что в произведениях классиков ничего не бывает просто так, всего лишь для ритма, для заполнения пустоты. Однако есть и исключения. Вот у Грибоедова «... ему дан с бантом. Мне на шею». Ломали литературоведы голову, что за дата, а потом сообразили – просто единственное числительное, подходящее по ритму.

♦ Но чаще у гениев все же под текстом вполне реальная глубина смысла.

Взять хотя бы то место из «Мертвых душ», где чиновники губернского города интересуются у Павла Ивановича, куда он собирается вывести купленных им крестьян. И он отвечает им, что в Херсонскую губернию. Всегда был убежден, что это просто брякнуто, потому что ни эти чиновники, ни тем более читатели не в состоянии проверить, как оно все будет на самом деле. Выяснилось, что все не так. В эти, 30-40 годы бурно строилась Одесса. Рабочих рук не хватало, и местные власти, ради выполнения поставленной государственной задачи закрывали глаза на то, откуда эти «руки» берутся. Беглый крепостной легко мог пристроиться на одесских строительных работах и «выправить документ» какой полагается. Из всех сопредельных с Одесскими мест бежали крестьяне. Так что Чичиков знал, что ответит, когда у него спросят в случае чего, а где же твои крепостные? – Одессу строят.

♦ Поспешил, кажется, нахваливать классиков. Вот Ахматова.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.
Как одуванчик у забора...

Откровенно говоря, мне кажется, что именно здесь пролегает граница создаваемого большой поэтессой образа. Все остальное, именно «лопухи и лебеда», это просто налог, который она платит на право пользоваться данным стихотворным размером. Правда, у большинства других поэтов только «лопухи и лебеда», а Ахматову все же оставим в покое. Что-то стали нападать на нее всякие злобные дуры.

♦ На собрании в зале, что в основании Храма Христа Спасителя, проходило большое литературное заседание. Председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев делал доклад. В частности, надо было что-то сказать о литераторах новых, уже вошедших в литературу. И сказавших там довольно громкое слово. Выбрано было для этого правильное имя – Захар Прилепин. Объективно – самый известный писатель из подразумеваемой генерации. Имя и фамилию Валерий Ганичев произнес легко и правильно, а вот с названием романа произошла заминка. Роман назывался «Санька». У Прилепина были основания именно так назвать книгу, это фамилия главного персонажа. Но Валерий Николаевич романа прочесть не успел, и не знал что в докладе название приведено без искажения, и, натолкнувшись на сумбур букв, сориентировался по ходу дела и озвучил так: роман «Сенькю». В общем, справился неплохо, практически обошел неожиданную ловушку. Собственно, почему бы роману молодого писателя не называться в духе американизированного времени именно таким образом. Но тут вдруг возбудился смирно наличествовавший в президиуме известный писатель Владимир Николаевич Крупин. А ему сделалось неприятно, что современный русский писатель, кажется, собирается вильнуть в западном направлении, и он недовольно спросил:

– А почему по-английски?

Поскольку ответа на этот вопрос и в принципе быть не могло, то Владимир Николаевич его и не получил.

♦ Абхазия. Экскурсия. Водитель эстонец. У них там откуда-то несколько сел в горах. Остановились. Громадный водитель, с большим белым батонном выходит на берег. Чайки его, видимо, знают, подлетели. Он разбрасывает куски, нашептывая что-то на непонятном языке, да еще и тихо. Процесс развивается методично, булка тратится очень постепенно, зрелище приедается. Начинаю смотреть по сторонам. Вдруг замечается какой-то переполох среди кормящихся. Водитель швыряет в чаек уже не куски булки – хотя она истрачена всего на половину – а камни. У него интересуются, в чем дело. Объясняет: вот этот, второй раз прилетел. Нарушитель. Второй раз нельзя. Чайке полагается один кусок булки. Нарушитель ходит в сторонке, обиженный, хотя и подкормленный. Другие чайки льнут к своему кормильцу. Чайки понимают, что такое порядок.

♦ Книги почти уже захватили дом, как машины Москву. Собянин механически увеличил столицу, я еще раньше него сообразил, что делать. Начал вывозить на дачу не самые нужные издания. Расширил свою библиотеку за кольцевую дорогу. Конечно, среди них большинство, подарены знакомыми. Сам я уже давно никому ничего не дарю, пока отчетливо не попросят. Книга давно уже стала не подарком, а обузой. Неприятное ощущение, ты даришь человеку то, что для тебя

дорого, слезой напитал, выстрадал, по крайней мере, очень старался, чтобы было интересно, а она, книга, мгновенно, превращается в руках твоего знакомого в кусок мусора.

«На добрую память», «Для душеполезного чтения», «С наилучшими пожеланиями», «Такому-то от такого-то», сочинения с такими надписями сразу же попадают в разряд переселенцев. Есть просто неприятные люди, но почему-то убежденные, что вот именно их сочинения я поставлю даже не на полку, а куда-нибудь рядом с портретом матери.

Но есть и хитроумцы. Беру как-то толстый том, поднимаю крышку, а там черным по белому «Блистательному Михаилу Попову от...» Разумеется, эта книжка не будет лишена московской прописки.

♦ Убил в себе внутреннего редактора, а труп смердит.

♦ Здоровый – это тот, кто не знает, от какой болезни умрет.

♦ Презирать вредно, а быть остроумным некрасиво.

♦ Хорошая пьеса «Обыкновенное чудо», хороший фильм снял Марк Захаров, стильно, сильно. Но в какой-то момент опоминание – Пушкин как-то обмолвился, мол, какую штуку «удрала» Татьяна, повела себя самостоятельно. Ограничился фразой. А тут талантливые люди разводят из этого целую длинную историю о том, что персонаж может зажить своей собственной жизнью. И растение как бы никак не зависит от зерна, из которого выросло.

Разведение идеи до гомеопатической консистенции.

♦ Не устаю удивляться возне, которая возникла сколько то лет назад вокруг того, как правильно писать и говорить «на Украину» или «в Украину». По сложившимся к этому моменту нормам русского языка надо писать «на Украину», «на Кубу», «на Кавказ», «на Луну». Любая попытка тут что-то изменить, тем более со стороны, есть вмешательство в суверенитет русского языка. Глупо было бы написать «мы полетели в Луну». Самостийники выбираясь из-под механического влияния России в данном моменте, мол, им не нравится это «на», потому что тут Россия оказывается как бы выше Украины, во-первых заблуждаются насчет того какое содержание русский язык вкладывает в эту грамматическую форму.

Никакого специфически антиукраинского. Достаточно вспомнить А.К. Толстого. «...татары, ну думают, не трусь! Недели шаровары приехали НА Русь!»

Кроме того, украинцы сами того не замечая, заявляют этой борьбой с «НА» о том, что их менталитет находится под давлением русского менталитета. Получается, для них до сих страшно важно, как их называют в Москве по-русски. Самостийники до сих пор не самостоятельны, и настоящая столица для них Кремль, и правящий язык – русский.

Немцам глубоко плевать на то, что их Дойчланд по-русски звучит как Германия.

И вообще можно ведь прийти к соглашению и говорить «вна Украину».

♦ Странно, почему столько опасливого шума вокруг книжки «Гарри Поттер». Якобы с нею проникает в мир в неограниченных количествах какая-то жуткая бесовщина. Покажите мне хоть одного человека, который бы хоть раз применил на практике дурацкое буквосочетание, что выдается в книге за заклинание. По-

моему, в центре книги как раз дружба, взаимовыручка, юношеское любопытство. Меня как-то спросили, на что она похожа. Да, на «Тимура и его команду». А эти готическо-алхимические антуражи... но ведь и наши «штабы» в кустах, и на чердаках тоже вышли из моды.

♦ Поехал я как-то с режиссером Д. Светозаровым писать сценарий в Дом творчества кинематографистов в Репино. Девушка, оформлявшая проживание, дойдя до соответствующей графы, спросила не член ли я СК, то есть, Союза Кинематографистов, все остальные с кем я вселялся были ими, и мне вдруг тоже захотелось не ударить в лицо в грязь, и я брякнул, что я член СП, то есть Союза Писателей. Конечно, в Репино, это не так котируется как членство в СК, но все же кое что... Сразу же мне стало стыдно, что это я так позорно суечусь, ничтожный?! Дал себе слово больше так позорно не прокалываться по таким мелочам.

Через год. Та же ситуация. Сценарий, Репино, оформление документов, другая, правда, девушка. Я помню о своем прошлогоднем конфузе. Я помню о нем. Звучит равнодушный вопрос: Вы член СК? и я, не знаю, почему, говорю, снова – я член СП.

♦ Хорошая фамилия для развратного фашиста – Мессалини. Крымско-татарский красавчик – Дориан Гирей. Украинский композитор – Вагнерюк. Белорусский драматург – Бомаршевич. Поэт электронной эры – Чатский, или Майк Рософтский.

♦ Интересно, что должен сделать человек, чтобы в нем разочаровалась его собака?

♦ Судят и Ходорковского. Одни кричат, что идет тотальное нарушение норм применения правосудия, другие молча и тупо нарушают эти нормы. И те, другие, делают вид, как будто не понимают, что происходит на самом деле.

Работает старая русская формула: молоко краденое, а сметана уже своя. Суд разбирается в «сметане», и никто не желает вернуться к «молоку». Даже трех-летнему ребенку понятно, что никто из так называемых «олигархов» никаких своих миллиардов не зарабатывал. Ну, не бурили они никакие скважины, не прокладывали трубы через Ямалы и Украины, максимум, были директорами к моменту, когда менялась форма собственности. Там, где директора оказались не «такие», или их вообще не оказалось, высаживали из Кремля «олигарха». Назначали, собственно смотрящего за куском бизнеса. Тут уж бывало совсем смешно. Просто хватали и вперед. Только чтобы свой, только чтобы дал себе труд оказаться в нужном месте в нужное время. Выгружали любые кредиты из бюджета, чтобы назначенный мог заплатить за якобы акции, на якобы аукционе. Одно было условие – играть по правилам. Правило было простое: «Челси» покупать можно, во власть лезть нельзя. Все, одно единственное правило. Все, кто его не нарушал, живут себе и здравствуют. Те, кто нарушал, сидят или в Лондоне, или в камере. Всякий, кто в связи с этими всеми разборками только заикается о правосудии, о справедливости должен немедленно и больно получать в морду.

Согласился стать олигархом по понятиям – потерял навсегда право требовать правосудия.

♦ Классическое образование. Иду по парку, мальчик сидит на пне и, положив ногу на колено, палкой чистит рифленую подошву кроссовки. Спартанец.

♦ Простодушие и разврат не враги.

♦ Кстати об искусстве. В Гугенхаймовском музее еще в 1990 году ходили мы стайкой по залам современного искусства. Меня больше всего поразила огромная наклонная плоскость, заляпанная какими-то застывшими каплями, кажется, Поллак. Больше всего возбуждала воображение попытка представить техническую сторону дела, как он смог охватить каплями всю поверхность размером раза в два больше комнаты нашего общежития в Литинституте. А рядом объект на подставке. Кусок фанеры, по форме напоминающий разрезанный вдоль баклажан. Но голубоватого, насколько помню, цвета. Экскурсовод – смесь дружелюбия и превосходства в поведении, до этого объяснявшая нам, что тут к чему, решила произвести эксперимент и спросила, как нам, гостям из России, кажется, что означает этот фанерный разрезанный вдоль баклажан. И тут Павел Шетько, однорукий танкист-депутат съезда народных Депутатов СССР сказал, что это напоминает ему поцелуй. Поцелуй, расплюснутый на стекле. Люди часто целуют стекла, и если целуют сильно, все сливается во что-то вот такое. The kiss – перевел экскурсоводу один из наших, знавших английский. С ее лица слетела приветливо превосходственная улыбочка. Нет, нет, она стала говорить, что перед нами фиш, рыба. В принципе, я был согласен с Джейсоном Поллаком. Кусок фанеры как бы изображал рыбность любой рыбы, плывущей в воде, отбросив все признаки каких бы то ни было пород. Хорошо в общем придумано. Но Павел Шетько стал настаивать на своем «поцелуе», и его некоторые поддерживали, видимо, тоже был опыт целования запотевших стекол. Сам по себе этот конфликт интерпретаций не стал бы событием в истории российско-американских отношений. Меня удивила реакция работницы музея. Она упорно, а потом и яростно настаивала на «рыбе», версия «поцелуя» ее никак не устраивала. Видя такое наши стали нарочно ее изводить. Пришуривались, приседали перед куском фанеры, оценивающе поджимали губы, а потом решительно заявляли – «поцелуй». Девушка была на грани истерики. Она даже сверялась с каким-то справочником, который у нее был с собой. «Фиш» и все. У нее написано «фиш», и от нее она не имеет право отойти ни на миллиметр. Полная свобода творчества и тоталитаризм истолкования в одном флаконе. Автор-диктатор, забивающий свое мнение о том, что он сделал в головы зрителей. Своры искусствоведов и экскурсоводов готовые насмерть защищать право автора значить то, что он определил себе значить. Важно не то, что изображено, а что по этому поводу сказано. А как отбирать тех, кого нужно слушать. Сочувствие дается как благодать, или стребывается в зависимости от того, как автор расценивает затраченные усилия.

Наш депутат-танкист, плюнув, отвернулся от перепуганного насмерть экскурсовода, у которого на глазах рушилась привычная система ценностей.

* * *

Учителя бьют тревогу,
Наркологи бьют тревогу,
Мелиораторы бьют тревогу,
Пожарные бьют тревогу,
Педиатры бьют тревогу,
Пожарные бьют тревогу,
Синоптики бьют тревогу,
Полярники бьют тревогу,
Геологи бьют тревогу,

Гинекологи бьют тревогу,
Авиаторы бьют тревогу,
А порядок бьет класс.

♦ Мудрость появляется на том месте, где был талант.

* * *

«Брать мы будем повсюду кредиты»,
Так решили друзья трансвеститы.
«Денег будет мешок»,
Первый молвил дружок,
А другой отвечал: «Не свисти ты!»

♦ Самый неприятный герой в русской литературе? Всегда для меня явным лидером был Швабрин. Но чем дальше, тем больше начинает меня раздражать профессор Преображенский. Только в 1989 году, когда вышел фильм, можно было умиляться его всенародно произносимой фразочке: «да, я не люблю пролетариат». Причем, рост неприязни к профессору никак не связан с ростом симпатии к Шарикову. Это не сообщающиеся сосуды. Шариков вызывает все больше жалости, но уровень ее пока не перекрывает уровень устойчивого отвращения.

♦ И вот еще фигура – Борменталь. Борменталь – подмастерье. Вообще-то, если вдуматься, то Преображенский беспомощен, почти невозможен без Борменталья. Исполнительность, деловитость, толковость, отсутствие собственных немедленных амбиций – набор бесценных качеств. Именно наличие в стране большого количества борменталей создает тот уровень общей национальной, по крайней мере, научной культуры, который необходим для великих свершений. Товарищи Синегриховы не могут быть достаточно быстро оборменталены. Тем более, в большом количестве. «В Бельгии я работал простым смазчиком». Чеховский тест Мисаила просто состарившийся Борменталь, он не стал настоящим инженером. Борменталь – символ пересаженной немецкости в русскую культуру. Немецкость неразложима, не растворима до конца, всегда остается неким включением.

Борменталь – это идеальный жених. Создателю идеи, отцу то есть, хочется отдать свою «дочь» именно в хорошие руки Борменталья. Борменталь – зять, о котором мечтает любой папаша.

Но тут еще один поворот – если бы у Преображенского была дочь, она бы бегала в шайке Швондера. И просто в знак протеста закрутила бы с Шариковым, и профессор бы получил по полной. Во время социальной революции не усидеть в башне из слоновой кости. Булгаков явно недокрутил.

♦ Кстати, Зошенко, в определенном смысле, оправдание Сталина. Стада замысловатых и мягкотелых идиотов, изображенных ехидным пером, жили как бы в ожидании того, когда вокруг них натянут колючую проволоку.

* * *

Раз спросили зачем-то кастрата:
«Дорогой, ты не против разврата?»
Отвечает кастрат:
«Я готов на разврат,
Лишь в присутствии брата Кондрата».

♦ Я глубоко поверхностный человек.

♦ В Германии самая низкооплачиваемая профессия парикмахер, а в России библиотекарь. Обе профессии связаны с головой.

♦ Всегда удивлялся, почему с поляками так трудно говорить о Сталине. Однажды вдруг сообразил. Поляки убеждены, что им отведена роль арбитра на уже идущем Страшном Суде, в той ее части, что посвящена России, и, в частности, Кремлевскому Горцу. Поляки смотрят на Сталина так, словно он всю жизнь только тем и занимался, что боролся за звание лучшего друга поляков. И не угодил. Поляки не могут себе представить, что Польша была ему до фонаря, двадцать семь Польш он бы бросил в свою топку, было бы нужно. Для него и Россия была, в конечно счете, расходным материалом, если иметь в виду его конечные цели. На время войны цели Сталина и России совпали, не более того.

♦ «Если вам дали линованную бумагу, пишите поперек», это фраза из писателя Хуана Рамона Хименеса. Хорошая фраза. Но больше ни одной фразы этого писателя я не знаю. Вполне же может оказаться, что ничего кроме листка испорченной линованной бумаги от него не осталось. Но и это не мало. Останется ли от нас больше.

♦ Критик Пирогов много раз письменно утверждал, что любит плохую прозу. И утверждал еще, что и критик Басинский тоже такую прозу любит. По-моему, всего лишь пример банально извращенного эстетства. Уальд, выпрыгивающий из кареты, чтобы поправить лохмотья некрасиво висящие на нищем.

Все было просто, когда бы не одно обстоятельство.

Но мне приходилось где-то читать правильную мысль того же Пирогова. Обращался он к одному современному юноше, который гордится тем, что дал достойный отпор попавшемуся на пути злобному националисту. Пирогов справедливо замечает юноше, что тот поступил, как комсомолец, набивший во времена советской власти морду антисоветчику. Поступил, как положено, «по уставу», и гордиться тут особо нечем. Критик ведет в разговоре о «плохой прозе», совершенно как юнец, которого он пожурил. Вроде бы отплевываясь от пошловатого эстетства, вляпывается в него глубже некуда.

♦ Каждый человек – кузнецик своего счастья.

♦ В бордель идет мужчина, остерегающийся женщин. В борделе только их тела.

♦ Недостаточно быть просто патриотом, нужно уметь еще чего-то делать.

♦ В прозе, вернее романистике, точность перевода вообще, на мой взгляд, кардинально-радикальной роли не играет. Хороший роман не испортит никакой переводчик. Я, конечно, не говорю о случаях злонамеренного искажения и порчи. Случилось мне как-то читать роман известного французского писателя Армана Лану «Последняя любовь Казановы». Моя жена, человек с неплохим литературным вкусом роман отвергла, и я потом понял почему. В самом начале книги было несколько очень липких ляпов и неприятных шероховатостей, и она имела право отложить книжку. Я же раньше, чем обьелся огрехами, рассмотрел

архитектуру сюжета. Книга была построена очень изящно, ловко, раскручивалась симпатично, да и языковых ямин в дальнейшем стало меньше. И я получил большое удовольствие от чтения. Перевод, это что-то вроде прически. Форма головы прощупывается сквозь любое нагромождение волос.

♦ Не все, кто со мной согласны, умные люди.

♦ Несчастливая любовь рождает поэта, несчастный брак – прозаика.

♦ Говорят, перед смертью Станиславский кричал – «верю!»

♦ Снег идет так, словно у него есть точный план.

♦ На валяющейся на асфальте пачке сигарет написано: курение убивает. В пачке ни одной сигареты. Курение убивает сигареты?

♦ У кого-то четвертый разряд по шахматам, у кого-то первый, кто-то мастер спорта, кто-то гроссмейстер, кто-то-то Алехин. Кто-то изобрел шахматы. Кто-то создал изобретателя шахмат.

♦ Году в 1985 прилетел я в гости в Махачкалу к Багаудину Казиеву. Вечер, все пространство вокруг аэропорта занято машинами с распахнутыми дверьми, и изо всех несется голос Пугачевой «Жизнь невозможно повернуть назад...». Невозможно такое забыть.

Едем по улице Махачкалы с братом Багаудина Казимагомедом. В одном месте улицы затруднение, одна из машин припаркована не как все боком к тротуару, а багажником. «Почему так?» – спрашиваю у Казимагомеда. «У него поддержка есть».

На следующий день пошли купаться на Каспий. Ветер, на уровне двадцати сантиметров над уровнем пляжа несется все время колючая пыль, вода не слишком теплая, но в целом юг, отдых, вино, чебуреки, беседа. Вдруг подъезжают три черных волги. «Не смотри туда», – говорит мне мой друг Магомед Ахмедов. Краем глаза все же улавливаю. Полный мужчина раздевается до трусов и неуверенно ступая, направляется к морю. Охранники тоже успели раздеться и образовали живую цепь вокруг большого начальника, входят в воду спиной вперед. Уважаемый человек несколько раз приседает, погружаясь в воду по грудь, и возвращается медленно на берег. Ему дают полотенце. «Заместитель начальника «Дагвино» – поясняет мне Магомед сдавленным голосом. У меня больше нет вопросов.

А что там происходит сейчас?

♦ У Английского посольства памятник Василию Ливанову и Юрию Соломину. Говорят, что англичане признали их лучшей парой из всех Холмсов и Ватсонов. На самом деле, ничего удивительного. Так и должно было быть. Мы, русские, со значительно большим вниманием относились к их, западной культуре, чем они к нашей. Мы перевели в сто раз больше английских и французских книг, чем они наших, считая всех Достоевских. Их кинематографисты совершают чудовищные ошибки, изображая быт наших царей, дворян, солдат, крестьян, и не испытывают по этому поводу ничего похожего на стыд. Лиознова же сама прослеживала за каждой строчкой вышивки на СС-овской петличке. Объяснение простое: слуги

лучше знают детали жизни господ, чем господа детали жизни слуг. Мы всегда глядели на них как на культуру, которую надо достичь. Даже Хрущев: «Догнать и перегнать Америку». Он сам невольно приравнял Америку к коммунизму.

♦ Считается, что богатые должны платить большие налоги, чем те, кто зарабатывает мало. Но вот я узнал, что Стив Джобс тратит на себя меньше одной сотой процента своих доходов, а мой сосед Петр Агеевич Кушнаренок все сто процентов, да еще набрал кредитов и отдавать не хочет, и, кажется, сумеет не отдать, больше всех шумит насчет несправедливого налогообложения. Когда заикнулись, что надо бы скинуться на чистку колодца, показал фигу. Пусть, мол, с его налогов чистят колодцы.

Правда и не все богатые заработали свои деньги, как Джобс.

♦ Белый тост: женщины пьют за мужчин и стоя.

♦ Король жив, да здравствует король!

♦ Время лечит и убивает.

♦ Первый признак выздоровления: становится жалко денег на лечение.

♦ Золя и Мопассан. Разница между ними небольшая по возрасту, но Золя постарше. Но не в этом интересное различие. Когда началась франко-прусская война, Золя эвакуировался из Парижа на юг и раздраженно писал знакомым, что совершенно стало негде печататься. Мопассан взял винтовку и пошел кое-как воевать.

♦ Радуйся, когда врач небрежен по отношению к тебе, если ты навеваешь на него скуку, ему не интересен. У тебя ничего серьезного. Я держался такой точки зрения, пока опытный доктор не сказал мне, что объяснение скуки врача может быть и другим: у тебя смертельное заболевание, но протекающее вполне стандартно.

♦ Толстой Казаки. «Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же». И в прессе о недавней кавказской войне сплошь и рядом были упоминания, что чеченские боевики вооружены куда лучше федералов, и связь, и все остальное. Может, так на роду написано русскому солдату воевать чем попало.

♦ Блок где-то сказал, что книга это некий объем раскаленной совести, примерно так.

«Голубь сел на подоконник и встряхнул крылья как крахмальные салфетки». Красиво? И где же здесь «совесть»?

♦ Сократ учил, что философствовать, это значит учиться умирать. Но его жена Ксантиппа заметила как-то, что ни разу не видела, чтобы человек, не учившийся искусству умирания, не смог бы умереть. И я тоже не сталкивался с людьми, которых бы не пустили на тот свет за нарушение правил умирания, или отчислили с того света за нарушения правил поведения там.

Или сталкивался?

♦ Истина четче правды.

♦ Часто большие машины покупаются владельцами, потому что они им действительно нужны, скажем, по работе, но чаще это проявление атавистического чувства. Когда зверь хочет кого-то испугать, он поднимает шерсть дыбом, стараясь выглядеть больше, чем он есть на самом деле. А может, это я пишу просто потому, что у меня нет вообще никакой машины. Классовая ненависть пешехода к колеснику. Но тогда всего лишь один вопрос, почему все эти страшные внедорожники все время ездят по дорогам?

♦ Шитый лыком не ездит с шиком. Русская народная поговорка моего личного сочинения. И еще одна – где постригся, там и побреешься. У тебя лабазы, а у него лампасы.

На овца и зверь бежит. Псевдогорская поговорка.

♦ Несмотря на то, что Наташа строго выполняла все предписания докторов, ей удалось выздороветь.

Дипломаты разговаривали так, что могло показаться, что они обманывают свои правительства в угоду друг другу.

Иногда и Лев Толстой допускал у себя юмор. Или просто не замечал, что шутит.

♦ Племенная литература.

Все литературы в чем-то, в какой-то части равны друг другу. Борхес написал где-то, что вот, например, венгерская литература, я ее не знаю, но в ней наверняка есть все, что нужно. Литературы живут себе, Эркенъ, Жигмонд Мориц, Милош Йокаи, Андор Габор, а севернее на сопредельной территории – Жеромский, Тетмайер, Словацкий, Сенкевич замечательно повествуют о подвигах своих племенных героев, о красоте своих племенных красавиц, о бедах и страданиях своего народа. Иван Франко и Леся Украинка; Садовяну, Ребряну... Свою племенную литературу надо любить. Подло не любить, как нельзя стыдиться своих простоватых родственников. Но когда-то же эта пуповина рвется. И кто из соплеменников отправляется в полет над миром? Или наоборот, ничего не рвется. В общем, непонятно за счет чего племенная литература вырастает в ряд мировой.

Эсхил и Софокл были племенными афинскими авторами. Трагедию «Персы» написал не перс, хотя среди персов были таланты, не могло не быть.

Мировой писатель обязательно проходит в своем развитии стадию племенного. Фолкнер, Маркес. Гамсун. Но подавляющее большинство остается на этой стадии.

«Как каждый ребенок в Польше, я был воспитан в культе Жеромского, поэтому лишь изредка отваживался задумываться, где-то в конце школьного обучения: как это, Жеромский и Прус? Ведь это период с небольшим смещением: Достоевский и Толстой. Там «Война и мир», а у нас «Фараон»? Там «Преступление и наказание», а здесь «Пепел»? При таком сопоставлении это выглядело ужасно». С. Лем. Это пишет автор, явно поднявшийся интеллектуально над уровнем своей «племенной» литературы.

Ничего нет стыдного в таком признании. Наоборот. Гомбрович в своем блистательном эссе о том же Сенкевиче, изводит себя вопросом – почему Сенкевич? Дает мировое понимание племенного литературного явления.

Это к чему: знаменитая наша «деревенская проза» была, несомненно, явление племенное, а не мировое.

«Деревенская проза» запечатлела наш русский вариант мирового исторического излома. Конец крестьянской деревни. Изменение отношений человека с землей. Другое дело, что писатели наши деревенщики были не самого большого уровня, хотя вполне пристойного, и поэтому фактом мировой культуры из этого периода стала американская, фолкнеровская «деревенская проза». Мы оказались с Распутиным и Беловым как поляки с Жеромским и Тетмайейром, в то время как «там» были Фолкнер, Вулф и т.д. Ничего в этом нет стыдного, особенно, если прикинуть, сколько наших фолкнеров пало на войне.

Кстати, «племенная литература», в силу своей подлинности, защищена от опасности стать провинциальной. Дерево не стесняется того, что растет в лесу.

Провинциалом оказывается российский постмодернист – в конце 80-ых у нас они, наши постмодернисты, уже и имен не упомнишь, на самый краткий миг вдруг оказались правящей литературной партией. Их просто сдуло. Они были передовые, подхватили самый модный тренд и следа их ныне не отыскивается. А Беловы и Шукшины все там же, и их никто не сдвинет с места.

♦ Ярчайший пример провинциала – Аксенов, вечная поза – в задранных штанах за «новым романом». Карандышевская литература, зарубежные этикетки переклеенные на бутылки с отечественным «солнцедаром».

♦ Все же так и непонятно, почему и как иные «племенные литературы» становятся мировыми?

Что важно, размеры народа? Мощь государства, при котором создается литература? Историческая судьба народа? Связаны ли как-то Шекспир и британское правление океанами. Сервантес и Кортес. Правильно замечено: Пушкин – реакция на петровские реформы.

Хороший турецкий писатель Орхан Памук заявил как-то в интервью, что если бы у Турции было какое-то количество ядерных боеголовок, то турецкий писатель значительно раньше получил бы Нобелевскую премию. Впрочем, атомная бомба не понадобилась. Памук выступил против официальной турецкой точки зрения на армянский геноцид. Взорвал бомбу. Стал «мировым» писателем, принял мировую точку зрения по этому вопросу. Хотя, надо думать, и талант имеет здесь значение. Не всякий турок, признающий акт армянского геноцида, получает по Нобелевской премии.

И Маркес, например, интересен не тем, что происходит из страны победившего кокаина. Хотя, может быть, его проза и есть кокаин высшей очистки.

* * *

Говорил мне философ из Кении,
«Мы в постели все в Кении – гении,
Пенис словно бревно.
Только вот все равно,
Отстаем почему-то мы в пении».

♦ О самозащите русской поэзии.

Сколько-то лет назад я работал на кафедре русской литературы первой трети 20-го века в Литературном институте. Сотрудник кафедры Олег Коростелев, просмотрев множество эмигрантских изданий предвоенной поры, составил сборник

рецензий известного критика Георгия Адамовича, отзывов о той литературе, что публиковалась на территории, как тогда говорили, Совдепии. Книга называлась «С другого берега» и, по большей части, состояла из материалов проникнутых сочувствием к тому, что «творится на родине». Адамович хвалил Леонова, Серафимовича, Гладкова (за первый вариант «Цемент») Было в сборнике несколько материалов о Есенине. Признавая огромный дар этого поэта, Адамович упоминал о некоторых технических «огрехах» в стихах поэта: «избенка челюстью порога жует мякиш тишины». Ну, в самом деле, жевание при помощи одной челюсти едва ли возможно. Заведующий кафедрой Владимир Павлович Смирнов попросил сотрудников кафедры организовать по возможности отклики в прессе на интересную работу. Я договорился с заведующим отделом литературы газеты «Труд» Сашей Неверовым. Написал бойкую рецензию и, мысля по-журналистски, процитировал едкие замечания Адамовича в адрес Есенина, чтобы было интереснее читать.

Звонит мне Неверов. ЧП! Оказывается – типографские наборщики отказываются набирать текст. Руки прочь от Сергея Александровича! В этот момент я очень глубоко осознал, что такое подлинная слава.

♦ Прочитал заметку в газете, и – никогда со мною прежде такого не бывало – разразился стихотворением «Повесть о настоящем молдаванине».

♦ Дни «Белорусской письменности в Сморгони» – 2010 год. Нет, оказывается никакой белорусскости. Лично я ее не ощутил. «А кто там идзе, а кто там идзе» – все это актуально до сих пор. Белорус он в поле, со своей бульбой, а искусство, власть, элита – до сих пор это нечто или польское или советское. В данном случае – сплошная Польша. Костелы, отреставрированные за счет казны. Правда, в Сморгони видел и православную церковь, тоже отреставрированную к Дожинкам. Местные белорусы улыбаются, но если взять в целом по западным областям, то отреставрированных костелов в десятки раз больше, чем церквей. Это еще не говоря про всякие евангелистские, баптистские и тп.

В Сморгони царят Огинские. Привезли нашу делегацию в родовое местечко, завели в холодную часовню, что-то рассказывают. И вдруг экскурсовод дернулся и убежал, с криком «гости приехали». Прибыли, как выяснилось, какие-то отдаленные потомки тех самых Огинских, обещают, по разговорам, дать денег на приведение в порядок музейного комплекса. «Гости» – сказал секретарь Союза белорусских писателей Трахименок, «а мы кто?».

Работников музея вроде бы можно было бы и понять, маенток надо реставрировать, но уж больно откровенным выглядело пластание перед вернувшимся паном. Интересно, что там же, на территории имения, бурлила какая-то свадьба. Прикатали, как у нас, к вечному огню или к памятнику Ленину в прежние годы, молодые со свитой веселенько пьяных парней и девчат. На трех джипах. Двери распахнуты у японских машин и динамики орут «Виновата ли я, Виновата ли я!» Отнюдь не полонез Огинского. Не знаю, кто они были белорусы, русские.

В Сморгонском доме культуры минская команда дала концерт старинной музыки. Мягко улыбающийся и интеллигентно речистый человек лет шестидесяти попутно между номерами повествовал о корнях белорусской музыки. Карпович и т.п. Звучали аутентичные музыкальные тексты, но белорусского – ноль, сплошные зады французского барокко.

В доме-музее Ф. Богушевича художой и очень патриотично настроенный молодой человек повествовал об ужасах царизма. Музей, надо понимать, государствен-

ный, экскурсовод стало быть – чиновник, налегал на историю о восстании 1870 года. Твердил о страшной роли Муравьева и сотнях тысяч крестьян с косами, перебитых залповым огнем царской жандармерии. Судьба самого Богушевича в его рассказе выглядела ужасно. Хотя потом выяснилось, что жизнь он закончил вроде как судебным следователем во Львове. И особенно Кастусь Калиновский. Я сам, когда учился в белорусско-советской школе, привык слышать, что он герой, борец и вообще. А если вдуматься, чего так белорусские национальные лекторы рвут глотку за этого польского шляхтича, что отличился в основном тем, что убивал русских солдат и православных попов.

Очень еще удивила экскурсовод в национальной художественной галерее. Насколько понимаю, девушка эта – так же государственный чиновник, но она нам, русским гостям, целый час надувала напевала про Радзивиллов. Вот Радзивиллы и Радзивиллы. Переходим от картины к картине. Кто-то осторожно спрашивает из наших: «А где тут Савицкий? Ведь всемирно известный художник». Девушка выразила большое и неприязненное удивление.

Раствор белорусского национализма, его отличие от украинского – не такой крутой.

♦ В фильме «Миллионер из трущоб» есть эпизод, где бомбейские школьники учатся. Урок литературы. Речь идет о «Трех мушкетерах». Парнишки, оказывается, реально читали книжку. Знают, кто такой Портос, кто такой Арамис. Вот это настоящая литературная слава. Для Индии европейская литература это зазеркалье, другая планета, рядом с их кинозвездами и Шварценеггер проходит тенью. Кроме того, Индия была английской колонией, а не французской. Но обаяние романа Дюма, видимо, таково, что преодолевает все преграды.

♦ «Нас пригласила Беназир Бхутто. Жизнь в Пакистане светлела как-будто». 1995 год. Премьер-министр Пакистана решила устроить евроазиатский писательский форум. Как уж я там оказался разговор отдельный и неинтересный. А сама госпожа руководительница произвела сильное впечатление. Рослая. Статная, красивая женщина. Произнесла не слишком длинную речь на открытии в национальной библиотеке, где каждое второе слово было «Пакиста-ан». При этом, она не реже трех раз в минуту поправляла платок, порывавшийся соскользнуть с высокой, как бы лакированной прически. Я сказал одному из посольских, что нас сопровождал, а не проще было бы приколоть платок булавкой и вот тебе постоянно покрытая по мусульманским требованиям голова. Сотрудник усмехнулся и пояснил, что этого было бы недостаточно, а так она трижды в минуту демонстрирует, что помнит о том, что является премьером именно мусульманской страны. Ходят слухи, что муж ее сильно бьет за закрытыми дверьми семейных покоев. И еще, сказал, вот она все время про демократию, цивилизацию, культуру, а у семьи Бхутто не меньше десяти тысяч крепостных в разных провинциях.

♦ Очень красивые люди попадают в Пакистане. Правда, я так и не научился отличать, чем пенджабцы отличаются от синдцев, а те от белуджей. Но все равно, рослые красавцы с мощными усами, величественно вышагивающие. Я предположил в разговоре с посольским товарищем – они такие, наверно, потому что не пьют, как у нас, он ответил: – Да не пьют, но жуют. Какую-то смесь, листья, известь и еще что-то. С юных лет. Засовывают гадость за щеку еще раньше, чем у нас тянутся к пивной бутылке. И действие смеси характерно тем, что оно останавливает развитие интеллекта, и все эти рослые красавцы по развитию

пятнадцатилетние дети. Максимум в чем разбираются, сантехника и двигатель внутреннего сгорания. – И автомат? – Да, и автомат Калашникова.

♦ Почему у классиков такие большие собрания сочинений? Лермонтов, 26 полных лет, а на полке стоит от него четырехтомник. А ведь он реально служил, воевал. Чехов, сорок с небольшим и целая полка в шкафу. Про Толстого можно вообще помолчать. Тогда откуда взялось современное презрение к писателю работающему много? «Плодовит» – ругательство. Может быть, причина раздражения – мельтешащие сейчас вокруг, много зарабатывающие современные Донцовы? Но все равно ведь, если разобраться, Толстой написал больше Устиновой. И все равно злит количество. Значит, раздражает не Устинова. Ведь их всегда, Чарских, Потапенков было полно. Против этой условной Устиновой в душе ленивого нынешнего «гения» культивируется противоядие, он может себе сказать – отсутствие денег у меня это и есть доказательство, что я хороший писатель, непроданный талант. А что такому делать с многописучестью Достоевского или Диккенса?

♦ В новостях показали – изувер зарубил топором всю семью девочки. Мать, отца, бабушку, дедушку, двух братиков. Странно, но ничего внутри не шевельнулось. Отношение как к землетрясению на Марсе. А следом показали переполненные залы аэропорта Домодедово, многочасовые задержки вылетов, и внутри шевельнулось. Потому что я черствый человек? Нет, просто кровавому мясокомбинату на дому я не могу сопережить. За гранью возможностей психики, это как плохое кино, когда не сочувствуешь героям. А вот задержка рейса на сутки, двое, да разорившийся туроператор, и ты сидишь на египетском берегу без денег, не зная, как вернуться, это вариант вполне вероятный. Это по сю сторону экрана.

♦ Очень почему-то и все больше, раздражает Розанов. Это знаменитое про «русского человека, который посмотрит на тебя хитрым глазком, и ты ему в ответ тоже хитрым глазком». Как будто мы с этим русским два придурка, два мелких преступника в толпе нормальных людей. Два пораженных в правах беспаспортных идиота, прокравшихся в город, и нас могут схватить власти, если мы выпрямимся в полный рост. Никогда не отвечаю этим подмигивающим глазкам.

Выправка, вот чего нет у Розанова. Нет ощущения собственного полноправия. Как будто мы народ где-то в сторонке тайком нагадивший, и мы с этим встретившимся видели, как гадили, и у нас своя общая нечистая тайна. У Розанова везде какая-то как будто грязнотца. И языковая, с нечистотой этих лишних уменьшительных суффиксов, ощущение, что писано Акакием Акакиевичем, все время видится суетливое потирание испачканных чернилами ладоней друг о друга.

Споры в порах русской жизни.

♦ У Гашека есть чешский лейтенант, который относится к чешскому народу как к организации, которую, может быть, запретят.

♦ Ломоносов велик не столько своими минералами и грамматиками, а тем, что был первый русский литератор, которого нельзя было высечь. Он бы и физически этого не позволил, и никому бы это из чиновных людей просто не пришло в голову. Тредьяковскому можно было сунуть в рожу рукавицей. Ломоносов первый, кто доказал – чтение высоких и умных книг, делает человека прямохо-

дящим, не гнушимся в пояс, и это главное. Простое количество проглоченных книжек, это еще ничего.

♦ Делатели жизни, артисты, биографии, самое близкое Уайльд, Браммел и такие же в том же духе, это пародия на предыдущую идею. Впрочем, если вдуматься, пашущий Толстой тоже вариант щегольства.

♦ Провинция Посконь, родина русских выпивох и забияк.

♦ У птицы такой вид, будто она только что вернулась с середины Днепра.

♦ Говорят, что даже боги не могут сделать бывшее не бывшим. А простой редактор легко это может сделать.

♦ «Гарри Поттер». Ничего я в этой книжке не увидел вредного, обижался только за «маглов», но только до того момента, пока не выяснилось, что Гермiona как раз из них, из простых, из шариковых. Гарри Поттер не строит из себя избранного, а строит плохой белобрысенький.

♦ Соммерсет Моэм пишет в день своего семидесятилетия «Я сохранил в целости все свои зубы». Заглянул себе в рот. Интересно, а сколько лет мне?

♦ Зовите Русь к топору, чтобы не ушла с молотка. Нам остается только каламбурировать.

♦ Трехлетняя Саша самая младшая в большой семье. Все, дяди, тети, старшие братья, хотят ее пощекотать, она привыкла капризливо уклоняться от объятий. Я в общем-то не умею обращаться с детьми, но тут как-то под настроение развлекаю ребенка, мы чего-то бегали, хохотали. На пике веселья покрасневшая Саша, желая меня одарить, спрашивает: Хочешь меня пощекотать? Ни одна женщина не делала мне более щедрого и интригующего предложения.

♦ Игнатий Брянчанинов написал за год до отмены крепостного права статью, восхваляющую крепостное право. Казалось бы, что же он так, а? А вот Жюль Ренар: половина гениального «Дневника» про пьяного Верлена, и вообще про литературу в себе и себя в литературе; вторая и более тяжкая, перемешанная с первой, про то, что крепостного права нет, и давно, а проблема темного, невыносимого крестьянина есть, и что с ней делать, непонятно.

♦ Сидим как-то за столом в буфете ЦДЛ. Я и начинающий литаппаратчик. Случай типического характера, считает, что цинизм это проявление ума, а заносчивость – проявление чувства собственного достоинства. Готовность прогнуться перед любым, кто главнее, считается умением трезво смотреть на вещи. Подсаживается за стол очередной какой-то «писатель», по совершаемым манипуляциям с портфелем видно, – будет дарить книжку. Они тут, книжки, двух видов. Или жалкие, сработанные на ручной сноповязалке в одной из комнат Московской писательской орг., или нагло-безвкусно роскошные, это когда брат богатый, или человек заложил корову с машиной ради славы.

Подарил нам с молодым карьерником по томику и побрел к другим столам «распространять тираж». Сосед остроумно, как ему кажется, иронизирует в адрес

несчастливого, мол, трудный случай и т.д. И добавляет, что давно уже все эти подарки доносит только для ближайшей уличной урны, и отправляет туда, удалив лишь страницу с подписью. Я помалкиваю, даже в чем-то готов согласиться с парнем. Книга давно уже не только не лучший подарок, а вообще в профессиональной среде не подарок. А потом еще это переспрашивание – ну как тебе? Как будто человек не понимает, что никто никого не читает. Я киваю в ответ на, к сожалению, справедливые слова молодого аппаратного льва. Да, почти, никто почти никого, почти никогда. У меня тоже для большинства таких даров ест дача. Но что тут поделаешь – здешний стиль жизни. Суют, как взятки Хлестакову. Остается надеяться, что не все так испорчены как я, и на десять подаренных будет и сколько-то прочитанных.

Продолжение истории забавное. Циничный господин на следующее же утро подскочил ко мне где-то в коридоре с печатным творением собственного сочинения. Причем руки у него подрагивали, а взгляд посверкивал. Ситуацию данную он переживал не как тривиальную, а как неповторимую. Ведь это «его» книга. И уже на следующий день с вопросом – ну как? Интересно, почему он считает, что правила, которые он объявил для всех прочих «писателей» на него не распространяются?

♦ Я мог бы стать критиком, если бы обладал способностью дочитывать до конца то, что мне не нравится. Хвалить можно и не читая.

♦ Вся надежда на то, что жизнь хоть и не великолепна, но пусть она хотя бы сложнее моего ума, потому что иногда то, что я понимаю о ней, ужасно.

♦ Бывает антирусский национализм. А. Сегень рассказывал, что в 2002 году бежал домой во время футбольного чемпионата мира в Японии-Корее и опаздывал к началу матча. И пробегая мимо какой-то пятиэтажки, вдруг услышал, как вся она взорвалась радостными криками. Он обрадовался, решил, что наши забили гол. Добравшись до родного телевизора же, с удивлением обнаружил, что гол забили нашим. Но этот крик соседней пятиэтажки был таким искренним. Это не подделаешь, это было общее одушевление целой группы людей.

А в 1982 было все по другому. Я еще жил в общежитии Литинститута. Наши играли с Бразилией. Наши забили, перерыв, все нервно курили на просторной лестничной площадке. Кавказцы, рязанцы, москвичи и украинцы радовались, что человек с молдавской фамилией забил гол, и «наша» команда выглядит не хуже бразильцев. И пусть мне кто-то попытается объяснить, чем это чувство было хуже того, что сотрясало пятиэтажку 2002.

♦ Бес комментариев.

♦ Тот, кто боится быть обманутым, обманывает сам.

♦ Говорят, что у немцев нет чувства юмора. А почему? Оно им не нужно. В их жизни все более-менее соответствует названию. Машина это машина, а не жигули, врач это врач, деньги – деньги. Лекарство не яд. Над чем смеяться?

Почему тогда все время шутят англичане. Тоже ведь живут ничего себе. Империя у них была, империя настоящая, не то что у Бокассy. Только англичане знают, почему и чему они смеются, и юмор у них поэтому английский. Они смеются, как люди, которым в общем-то не до смеха.

♦ Варшавяне уже много лет ведут споры о том, что надо бы снести сталинскую высотку в центре столицы. Многих раздражает такой подарочек.

Собираешься сносить, сноси.

Нечестно использовать сталинский подарок в качестве долгоиграющего раздражителя против соседа.

С Катенью то же самое. Сколько раз надо каяться?

И Польский президент погиб, не просто потому что была плохая погода неопытный экипаж, не из-за того, что пьяный генерал лез в пилотскую кабину, не из-за того, что на аэродроме было плохое оборудование, а диспетчеры оказались матерщинниками. Польский президент нарушил некое высшее чувство меры, нельзя все время беречь медленню, но заживающую рану.

Я понял, почему поляки ведут себя так, как ведут. Во время экскурсии по Вавелю понял. Там, если кто не был, большой внутренний двор с окнами внутрь. И все окна, примерно одного размера и выполнены в более-менее одном стиле. Замок вообще замечательный. Но одна из секций, если так можно сказать, резко выделяется из общей картины. Окна там огромные, строго прямоугольные, какие-то не вавельские, строгие, официальные. Почему так, спросил я. Мне ответили, что там, за этими окнами располагалось краковское гестапо. С какой стати поляки должны уничтожать эти следы, если они оставляют пока в покое сталинскую башню.

♦ «Неоспоримый талант Солженицына», — пишет Довлатов. Ладно, пусть так. Но скрыт в этой фразе какой-то ритуальный книксен. Да, пусть будет так, талант Солженицына неоспорим, но заявление Довлатова не неоспоримо. И вообще: «Сто лет одиночества» талантливее, чем «Двести лет вместе».

♦ Солженицын десятиборец. В части изложения лагерной темы, он, многие, думаю, согласятся, уступает Шаламову, как стилист — Набокову, как поэт и драматург он вообще смехотворен, публицист, конечно, громадный, хотя «как обустроить Россию» — это конституция для лилипутов, сочиненная Гулливером, но Гулливером, который почему-то не видит разницы между собой и остальными.

Короче, по совокупности, Солженицын, к сожалению, крупнейший русский писатель последнего времени.

♦ Горячие пирожки расходились, как книги. Мухи умирали как люди.

♦ Жизнь — мобилизация, смерть — увольнение.

♦ Настоящая фамилия Фрунзе — Бишкеков.

♦ Думать неправильно — тоже думать.

♦ Конечно, сравнивать литературы это почти то же самое, что выяснять, кто сильнее слон или кит. Но, тем не менее, сидит в человеке детский интерес. Почему у французов нет таких титанов как Гете, Данте, Сервантес, Шекспир, Толстой. Ну, не впихивать же Рабле в этот ряд. По количеству первоклассных писателей, Франция далеко превосходит и Англию, и Германию, и Россию, а титана своего почему-то не имеется.

♦ Удачная формула может оказаться ловушкой для автора. Вот Довлатов заметил где-то походя, что старается, чтобы в каждой его фразе соблюдалось одно

дополнительное ко всем прочим правило: все слова с разных букв. Тут недавно я беседовал с молодыми литераторами. Что они знают о Довлатове? Оказалось – только это.

♦ Почему русские так мало улыбаются? Вообще, почему? Есть объяснение, что русский улыбается только тогда, когда ему человек действительно приятен. Американец демонстрирует дополнительно ко всему еще и наличие у себя хорошей страховки, покрывающей услуги стоматолога. Восточный человек коварен, он улыбается тебе днем, чтобы всадить нож в спину ночью. Чепуха. И глупость, под видом понимания восточных людей. Не буду утверждать, что сильно в них разбираюсь, это было бы самонадеянно, но один нюанс выделил, как мне кажется. Когда один восточный человек, кланяясь, пожимает руки другому и ласково-сладко говорит «салам-алейкум», он может и не любить того, кому это говорит, он искренне уважает чин этого человека, значительность его рода, жуза и т.д., приветствует порядок жизни, в котором пребывает, потому что вне порядка будет явно хуже.

♦ В России две беды: дураки и дуры.

♦ Краткость – сестра таланта, но иногда и неполиткорректность. В сочные советские времена чиновный критик Суровцев поехал то ли в Ташкент, то ли в Ашхабад, в общем, «на Восток», чтобы принять участие в юбилейных торжествах местного классика. Выступил с речью, хвалебных слов не пожалел: «великий талант», «внес огромный вклад» и т.д. Когда вернулся в Москву, обнаружил несколько «телег», пришедших в адрес руководства Союза писателей. Смысл претензий был в том, что «говорил коротко», всего семь минут каких-то. На Востоке, даже советском, главное в речи даже не слова, а количество слов.

Мы у себя в Москве тоже не совсем свободны от азиатских представлений. Однажды журнал «Новый мир» Опубликовал статью о романе одного знакомого моего писателя. Статья была, можно сказать, разгромная. Встречаю писателя, он сияет. Долго не мог понять смысл его радости. Постепенно дошло – статья ведь в «Новом мире», три полосы, и вся посвящена его роману.

♦ Большую часть жизни мне пришлось жить в маленьких поселках, городско-го типа, как тогда говорилось. Но большая часть населения была только что из деревни. Почти всякий мужик был компетентен почти во всякой работе. Чуть плотник, чуть каменщик, немного электрик, сантехник, может выгнать самогон, и т.д. В общем, как говорится, забрось с одним топором в любую Сибирь, он тотчас пойдет себе рубить избу. Любой справный двор, ячейка, какой никакой, но цивилизации. Звали специалиста, только если нужно было справиться с техникой, уже электронной. С телевизором, например.

Побывал в западном городке, английском, и обнаружилась такая деталь. Там «мужика» в нашем смысле слова давно нет. Электрику и в голову не придет самому копать в трубах, если у него забарахлил туалет. Отсюда тирания всяких узких специалистов. Сколько наслушался рассказов про этих самых английских сантехников и электриков. Их услуги дороже адвокатских, при этом гонор, резонерство... Я, конечно, сделал умный вывод, что и нас ждет этот путь узкой специализации, мы просто отстаем как всегда от запада по времени на поколение, два. То что машины уступают дорогу пешеходам, я увидел впервые в Венгрии в 1992 году, через двадцать лет появилось то же и у нас.

Но как показал опыт строительства дома, у нас грядет не специализация, не превращение мастеров на все руки в умельцев в узкой области. А просто отмирание целиком «всех рук» у нашего «мужика». Он перестает делать что-либо, даже не успев утратить своих умений.

♦ В мемуарах адвоката Андриевского, начало прошлого века, нашел рассказ о старушке одержимой, идеей суицида. Ей не нравился здешний мир, и она всячески старалась уйти из него. Чаще всего пыталась повеситься. С ней пытались разговаривать логически: «А вдруг, – говорили ей, – «там», куда Вы стремитесь попасть с помощью петли, будет еще хуже? – А я и там повешусь, – отвечала старушка.

♦ «Яблоку негде упасть». И. Ньютон.

♦ Опера «Шахтеры», ария: люди гибнут за метан!

♦ Дьявол дает кредит, Бог объявляет дефолт.

♦ Каждый мусульманин несет свой полумесяц.

♦ «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Странно, но чаще всего читатели, которые дали себе труд задуматься над смыслом цитаты, интерпретируют ее следующим образом: дьявол в общем неплохой парень, просто ролевое, мундирное поведение вынуждает его иногда поступать нехорошо. И он даже при этом страдает.

Хотя, кажется, на поверхности тут другое истолкование. Дьявол хочет совершать гадости, что соответствует его сути, но что-то ему мешает. А что может помешать ему? Сила, превосходящая его силу. Стоящая над ним. То есть, самоочевидно, что сила, стоящая над дьяволом, заинтересована в том, чтобы совершалось благо. И чтобы даже дьявол производил в конечном счете именно его.

♦ «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Кому только не приписывали эту фразу. И Толстому, и Голсуорси и Сэмюэлю Джонсону, другу Голдсмита. Один из образованных людей мне говорил, что этот смысл улавливается и в том месте из Тита Ливия, где он рассказывает, что римляне после поражения при Каннах и под крики «Ганнибал у ворот» выпустили преступников из тюрем, чтобы сформировать пару новых легионов. И преступники эти бились очень неплохо. Но тогда получается, что у этой фразы появляется несколько иной смысл. Патриотизм настолько хорошая вещь, что улучшает, пусть на время, пусть частично, даже негодяя. Кстати, в этой связи вспоминается, что многие из воров в законе, сидевших в советских тюрьмах перед войной, пошли на фронт и сражались героически. А, оказавшись после войны вновь на нарах, в силу воровской природы своей натуры получили нож под ребро, от тех своих товарищей по цеху, что сохранили верность воровскому закону, который твердо не рекомендовал какое бы то ни было сотрудничество с государством, даже под видом патриотического порыва.

♦ Мне рассказывал один старый сталинский сиделец о том, как у них в лагере, где-то под Магаданом, встретили известие о смерти «усатого». Сиделец был антисталинист, попал в лагерь как ученик белорусского историка, акаде-

мика Пичеты, по, естественно, 58 статье. Так вот, он, будучи наблюдательным человеком, запомнил не только радость в связи с объявлением о наступившем дыхании имени Чейн-Стокса у вождя, но и странную реакцию многих из числа заключенных. Простых крестьян из центральной России, как правило. Они не радовались, не радовались и после того, как им объяснили, что такое дыхание Чейн-Стокса. Мой рассказчик стал допытываться, да в чем дело? Не может же «это», смерть Сталина, быть «все равно». А потом понял, может. Для большого количества заключенных перемещение из деревни в лагерь и из лагеря в деревню не сильно меняло содержание и уровень жизни. Радовались украинские, кавказские, литовские националисты, радовались интеллигенты, радовались и многие другие. Русскому мужику было в основном «наплевать». Окончательное земляное ощущение жизни.

♦ Литератор Дробышев, тайный поэт и явный хам, так и не захотевший вступить в союз писателей из какой-то, лишь частично понятной гордости, был помимо всего еще и сильным библиофилом. В его принципиально не прибранной квартире на Сретенке были немалые и мало исследованные сокровища. Он незадолго до смерти рассказывал о замысле книги, в которой собирался собрать наиболее характерные примеры переписки немецких солдат с родственниками во время последней войны. Особенно жарко он говорил о письмах из-подо Ржева. Там, как известно, было перебито громадное количество наших солдат. Иногда кавалерийскими бригадами гнали на пулеметы по снегу, и после этого пар стоял над полями от расстрелянного мяса. Наше современное телевидение приводит это как пример заведомо бесчеловечного отношения Сталина к людям своей армии. Во многом, это и правда, но сейчас о другом. Дробышев приводил многочисленные цитаты из немецких писем этого времени домой. Конечно, он определенным образом их подбирал, и момент тенденциозности тут имеется. Но вот его главный вывод. Немцы «сломались» именно там и тогда, когда из пулеметов расстреливали эти человеческие толпы, выгоняемые на них. Общий настрой такой: «все, нам здесь конец. Все бесполезно, ни порядок, ни техника, ни дисциплина тут не помогут». «Нас тьмы, и тьмы, и тьмы». Бацилла отчаяния была подхвачена вермахтом именно тогда. Понимание невозможности благополучного конца. Это не толстовское «наложена рука сильнейшего духом противника». Некоторые немцы почуяли, что воюют уже и не с людьми, а с природой. Азиатской, бесчеловечной.

♦ Домик Мастера и банька Свидригайлова, такое вот имя.

♦ Иногда отрезвляет вскользь брошенное слово. Джулиан Барнс про «Лолиту»: «Русская сказка про американский разврат».

♦ Случай в поезде метро. Час пик. Сильное похмелье. Рядом со мной зафарширована в толще тел пожилая женщина. Я, понимая, какой от меня исходит смрад, стараюсь не дышать в ее сторону, задираю голову в сторону, вверх. Но полностью избавить ее от моего перегара невозможно. Понимая это, я тихонько извиняюсь за причиняемое беспокойство. И даже пытаюсь улыбнуться. Пожилая женщина реагирует не так, как мне хотелось бы. Она, сообразив, что меня не надо опасаться, раз уж я поражен чувством вины, довольно громко и образно объясняет, что свиньям в общественном транспорте не место. Иногда все же лучше, чтобы тебя побаивались, такой надо сделать вывод по итогам этого античного приключения.

♦ На Страшном Суде допрос писателя:

– Врал?

– Врал.

– Иди к обманщикам.

– Халтурил?

– Халтурил.

– Иди к халтурщикам.

– Отвечаешь за каждое слово? Ну что ж, тогда отвечай.

♦ Так наглеет современность, что придется заняться историей.

♦ Сам слышал, как хороший умный человек сказал по телевизору, что ему посредник в общении с Богом не нужен. Что можно подумать в данном случае? Человек разочарован своим опытом общения со священниками. В общем, тут есть о чем поговорить. В церкви и вокруг нее много такого, что может отбить охоту вникать в то, что такое литургия. Одни «приходские ведьмы» чего стоят.

Но в данном случае дело в другом. Человек считает, что его внутренняя жизнь так сложна и изощрена, только высшая инстанция способна оценить все по достоинству. «Да, я преступник, но пусть меня расстреливает генерал».

Или совсем все наоборот. Грешки, скорей всего обыкновенные: мелкое воровство (книжку зачитал у приятеля), рукоблудие, и как-то совсем неловко публично в этом признаваться чужому человеку, будучи фигурой известной.

♦ 1990 год, поездка в Штаты. Утром в день нашей отправки из Нью-Йорка нас «отоваривали», то есть мы могли свои командировочные потратить на самое ценное, что можно было тогда привезти из-за границы в Союз, на видеотехнику. Отправляли рано утром, на таксомоторах, куда-то на 26 улицу, в магазин, где заседал видимо какой-то знакомец руководителей нашей делегации, где нас централизованно должны были обслужить. Со мной отправились три человека, шишка узбекского комсомола и еще две комсомольские шишки из Таджикистана и Киргизии.

Привезли, высадили, ущелья между незнакомыми небоскребами, пар валит из каких-то труб, ни души. Наконец, замечаю на пределе видимости мужика с собачкой, и кидаюсь к нему со своим куцым английским: «вер из элетроник шоп оф тимур, твенти сикс стрит». Заслуживает внимания, как вели себя комсомольские начальники. Они тут же выстроились в колонну за мной, полностью на меня положившись. Ненавижу, когда кто-то на меня полагается. Мол, белый человек, веди нас. 26 улица оказалась за углом. Выяснилась интересная особенность, азиатские комсомольцы накупили себе всего раза в три больше, чем я смог себе позволить на свои командировочные. Была у них валютная заначка. Прямо тебе экономическая модель Советского Союза в действии. Русский пашет за копейки, и выглядит как бы главным, а окраины жируют. Мне, правда, пришлось очень скоро отказаться от этой стройной модели. Уже в аэропорту я увидел, какие багажи притаранили на регистрацию руководители нашей делегации. И были они совсем не таджиками.

♦ В 1968 году мне было 11 лет. Ввод наших войск в Чехословакию у нас в небольшом белорусском поселке Сопоткино воспринимали совсем не так, как в столице. Чехов никто особенно не жалел. Бродили слухи, и в основном о том, какие разнообразные трудности встречали там наших ребят. То парашютисты

зацепятся парашютами за соборные шпили, то местные злостно попереставляют дорожные указатели, и никуда не доедешь. Вообще, в этих рассказах чехи представлялись крайне неприятным народом. Могли ни с того, ни с чего подойти и плюнуть в лицо на улице советскому солдату. А тому отвечать нельзя никак. Вот немцы, ими все восхищались, гэдээровские немцы чуть что не по-ихнему, тут же начинали палить из автоматов по окнам.

Вскоре на каком-то чемпионате мира по хоккею наши проиграли чехам и помнится встал я утром на следующий день с твердой уверенностью, что введенные в Чехословакию войска примут надлежащие меры к исправлению несправедливости.

♦ Что такое киноязык? Спросила у меня на одном семинаре начинающая рассказчица. До этого мы говорили о «Крестном отце», я настаивал на том, что в определенном смысле трехсерийный фильм Копполы, это сицилийский «Тихий Дон». Кстати, и лучшая наша экранизация С. Герасимова тоже трехсерийная. Семинаристы не спешили восхищаться моим утверждением, даже шутка, мол, что главных героев фильма, и отца, и сына, можно было бы назвать «тихий дон Корлеоне», оба стараются говорить очень тихо, никого не убедила. Так все-таки, приведите пример киноязыка. Я напомнил сцену, где скрывающийся на Сицилии Майкл гуляет со своей невестой. Первыми вслед за этой парой следуют с полдесятка пожилых теток, а уж за ними телохранители Майкла с обрезам. Честь на Сицилии дороже жизни, говорит данная кинофраза.

♦ Очень бывает интересно разобраться, почему не нравится та или другая книга. С детства терпеть не мог «Над пропастью во ржи». Почему она раздражает сейчас, понять легче. Понятно, что в нынешнем моем возрасте претензии Колфилда к миру взрослых кажутся надуманными, придирачными, я уже успел понять, что юность часто бесчеловечна и безжалостна, слабость для нее главное преступление. Но тогда, когда я сам был тинейджером, почему тогда не оставляло ощущение выдумки, обмана, подтасовки. Книга эта основана на тактике подкупа. Меня подкупали как представителя конкретной возрастной группы. Есть книги приятные для сердец шахтеров, милиционеров, норвежцев или групп более широких. Например, «Код да Винчи» написан, чтобы польстить женщинам, сейчас это самое то. И поглядите на тиражи.

Сэлинджер польстил юнцам. Он говорит, что одним тем фактом, что тебе 15 лет, ты уже автоматически прав во всем, что касается отношений с родителями, учителями и вообще взрослыми. Механизм лести вообще груб по своему устройству. И только потому, что тонким ему быть и не надо, если он работает в самом примитивном исполнении.

- ♦ Подлинная демократия, это когда судят победителей.
- ♦ Если тебе не сопутствует удача, значит, торжествует справедливость.
- ♦ Есть «артериальные» народы и «венозные».

Окончание следует.

